

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ИНДИКАТОР ЭПОХИ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.04.01 Филология, магистерская программа «Русская словесность»
очной формы обучения, группы 02031711
Кошельковой Евгении Андреевны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Чумак-Жунь И.И.

Рецензент
обозреватель отдела новостей
сетевого издания Fonar.tv
Шкроба О.А.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ КАК СИСТЕМЫ ...	7
1.1. Понятие о лексическом значении слова	7
1.1.1. <i>Лексическое значение и его аспекты</i>	7
1.1.2. <i>Семема и её основные компоненты</i>	11
1.2. Лексика как система	15
1.2.1. <i>Системные отношения в лексике (парадигматические, синтагматические и деривационные)</i>	15
1.2.2. <i>Семантические группировки слов. Проблемы систематизации лексики</i>	19
1.3. Семантическое поле как системное лексическое образование	20
1.4. Лексико-семантическая группа и её основные характеристики	24
Выводы по главе 1	35
Глава 2. ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДЕНЬГИ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	36
2.1. Состав лексико-семантической группы «Деньги»	36
2.2. Классификация слов ЛСГ «Деньги»	37
2.2.1. <i>Функционально-стилистическая классификация</i>	37
2.2.2. <i>Лексеко-семантическая классификация</i>	41
Выводы по главе 2	44
Глава 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ ..	45
3.1. Паремии, репрезентирующие смысл <i>бедность</i>	46
3.2. Паремии, репрезентирующие смысл <i>богатство</i>	50
3.3. Паремии, репрезентирующие отношения смыслов <i>богатство</i> и <i>бедность</i>	54
3.4. Паремии, репрезентирующие смысл <i>бережливость</i>	57
3.5. Паремии, репрезентирующие смыслы <i>скупость</i> и <i>жадность</i>	58
3.6. Паремии, репрезентирующие смысл <i>голод</i>	60
3.7. Паремии, репрезентирующие смысл <i>деньги</i>	64
Выводы по главе 3	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
Список использованной литературы	72

ВВЕДЕНИЕ

Степень разработанности проблемы. Идея системности стала одной из ключевых идей современной науки.

В современной науке исследование систем разного рода проводится в рамках системного подхода, который ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину.

Каждая система характеризуется не только наличием связей и отношений между образующими ее элементами, но и неразрывным единством с окружающей средой, во взаимодействии с которой система проявляет свою целостность.

В науке XX века большое внимание уделяется исследованию языка как системы.

Изучение лексической системы современного русского языка, лексико-семантических групп с точки зрения их состава, системной организации, взаимоотношений составляющих элементов и выявление связей между разными лексико-семантическими группами (далее - ЛСГ) продолжает привлекать внимание лингвистов и в настоящее время.

Современные исследователи придают большое значение выявлению и изучению системной организации лексики, проявляющейся в существовании различного рода группировок слов, связанных общим (интегральным) семантическим признаком (центральной семой, архисемой). Изучение лексической системы языка раскрывает интересную и многоликую картину жизни слов, связанных друг с другом разнообразными отношениями. Ни одно слово в языке не существует отдельно от общей системы. «Наиболее полное выражение системность лексики находит в семантических группировках слов, в основе которых лежит сходство по тем или иным семантическим признакам. Группировки эти могут быть весьма разнообразными, но среди них наиболее важными и наиболее интересными

для познания лексической системности представляются лексико-семантические группы слов» [Кузнецова, 1974,4].

ЛСГ являются одним из проявлений системности лексики и представляют собой единства взаимосвязанных элементов. В настоящее время считается общепризнанным, что любую ЛСГ составляют слова одной части речи, лексическое значение которых включает как минимум одну общую сему, общую «минимальную, предельную единицу плана содержания» [ЛЭС, 1990,437].

Описывая семантику и структуру отдельных лексико-семантических групп, их взаимосвязи с другими группами, можно осуществить описание лексико-семантической системы современного русского языка в целом.

К настоящему времени исследовано большое количество ЛСГ, особенно глаголов (Л.Г. Бабенко, Н.А. Боровикова, Л.М. Васильев, Л.Ф. Клеопатрова, Э.В. Кузнецова, З.В. Ничман, Т.И. Новоселова, В.В. Морковкин, В.П. Москвин, Т.В. Попова, Ю.В. Фоменко и мн. др.).

Лексико-семантические группы (ЛСГ) являются важным классом слов. Они объединяют в себе слова одной части речи, в которых присутствует не только общая грамматическая сема, но и как минимум одна общая категориально-лексическая сема. Эта сема составляет семантическую основу группы и в каждом отдельном слове уточняется с помощью дифференциальных сем [Бережан 197, 84].

Построение лексико-семантических групп – один из важнейших способов систематизации лексического состава языков. ЛСГ – инструмент, с помощью которого исследователь изучает системные связи слов, раскрывает семантические тождества и различия в лексических совокупностях, описывающих какой-то фрагмент мира [Канцельсон 2009, 34].

В когнитивной лингвистике изучение ЛСГ получило новый смысл. ЛСГ рассматриваются как компонент номинативного поля концепта /

концептосферы, образующий ядро этого поля. Именно с этой позиции мы обращаемся к анализу ЛСГ «Деньги» в русском языке [Фомина 1990, 215].

Именно в необходимости изучения фрагмента картины мира, связанной с номинациями денежных средств, заключается **актуальность исследования.**

Новизна исследования заключается в том, что ранее не были проведены лексеко-семантическая и функционально-семантическая классификации слов, входящих в ЛСГ «Деньги». А также впервые рассматривается репрезентация концепта «Деньги» в паремиологическом фонде русского языка.

Объектом работы является лексическая система современного русского литературного языка.

Предметом исследования выступает лексико-семантическая группа «Деньги».

Целью данной работы и стало исследование лексико-семантической группы «Деньги».

Заданная цель работы определила конкретные **задачи:**

- дать теоретическое представление о лексике в целом как о единой системе;
- рассмотреть понятия семантического поля и лексико-семантической группы;
- провести практический анализ лексико-семантической группы «Деньги», в частности, определить ее состав;
- провести классификацию лексем в составе ЛСГ «Деньги»;
- изучить особенности репрезентации концепта «Деньги» в паремиологическом фонде русского языка.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке теоретических проблем, связанных с изучением особенностей русской языковой картины мира в системном аспекте, при дальнейшем изучении

лексико-семантических групп, а также при совершенствовании методов лингвокультурологического описания единиц современного русского языка, определении параметров характеристики единиц, входящих в одно словарное объединение.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в лекционных курсах и спецкурсах по лексикологии, лингвокультурологии, языковой картине мира. Результаты исследования могут быть использованы при составлении учебного лингвокультурологического словаря.

Фактической базой проведения исследования послужили словари синонимов А.П. Евгеньевой (1970 г.), А.С. Гаврилова (2013 г.), З.Е. Александровой (2001 г.), Н.Абрамова (2010 г.), а также «Словарь конца XX века под редакцией Скляревской» (2002 г.), а также словари В.И. Даля «Пословицы русского народа», В.П. Жукова «Словарь русских пословиц и поговорок», В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения».

Методы, направленные на достижение цели и решение задач:

— описательный метод (наблюдение при выявлении состава лексико-семантической группы «Деньги»);

— метод когнитивно-семантического анализа паремий, репрезентирующих концепт «Деньги».

Апробация результатов настоящей работы была произведена на XI международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2019: проблемы истории и филологии» (Белгород, 17–19 апреля 2019 г.).

По теме исследования опубликовано 1 научная статья.

Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ КАК СИСТЕМЫ

1.1. Понятие о лексическом значении слова

1.1.1. Лексическое значение и его аспекты

Традиционно в лексикологических работах основная единица семантики — языковое значение. Несмотря на это, в современной лингвистике имеется несколько мнений на понятие «лексическое значение слова». Приведём ниже некоторые характерные определения лексического значения. Важно отметить тот факт, что в большинстве работ оно трактуется как отражение в сознании предметов и явлений, которое включается во внутреннюю структуру слова. «Лексическое значение слова — содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» [ЛЭС 1990, 261]. Л.А. Новиков определяет лексическое значение как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании», входящее в структуру слова в качестве его внутренней стороны, «по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» (Новиков 1982: 101). В.В. Виноградов предложил более общее определение лексического значения: «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка, являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» (Виноградов 1977: 168).

Л.М. Васильев писал о том, что всё многообразие определений языкового значения можно свести к двум основным: к определению его как отражательной категории (как психической сущности) и как реляционной категории (как отношения) [Васильев 1981, 15].

Фердинанд де Соссюр впервые рассмотрел лексическое значение как отношение знака (означающего) к пониманию (означаемому). Однако он не

сформулировал ни конкретного определения, ни ограничения от введённого им понятия значимости, под которой он понимал «знания носителей языка, в том числе интуитивные их знания, о системных связях языковых единиц и о нормах их употребления в речи» [Исследования по семантике 1983, 14].

Большой лаконичностью и последовательностью по мнению Л.М. Васильева обладают идеи Ст. Уильмана, который рассматривал значение как «взаимоотношение между именем и смыслом» [Васильев 1990, 69]. Отношения между означающим (звуковой формой) и означаемым (содержанием) он рассматривает по-иному, нежели Ф.де Соссюр. По его мнению, они создают не психическую, ассоциативную связь, а функцию [Васильев 1990, 69]. Но понятия «функция» и «значения», как утверждает Васильев, не тождественны. Функция может быть и семантической, и чисто формальной, а значение является только лишь «семантической функцией», следовательно, понятие «функция» шире. Таким образом, можно утверждать, что «значение — это, с одной стороны, компонент отношения, второй частью которого является словоформа, а с другой стороны, это компонент отношения, второй частью которого является отражаемый в нём предмет реальной действительности» [Исследования по семантике 1983, 14].

Л.М. Васильев считает, что в случае определения значения как отношения, ничего нельзя сказать о внутреннем содержании языкового значения, к тому же в этом случае значение не отграничивается от других типов языковой информации. Вследствие этого следует рассматривать языковое значение как психическую сущность [Васильев 1981, 15].

По мнению Д.Н. Шмелева, чаще всего значение слова отражается как отражательная категория, в которой вербализуются результаты мыслительного и эмоционального познания обозначаемых явлений. Значение слова образуется через взаимоотношения трех «участников» познавательного процесса – слова, предмета номинации и его отражения в нашем сознании (понятия, представления или концепта). Звукоряд

называется означающим, понятие – означаемым, в этом случае взаимосвязь между именем и означаемым опосредована мыслью [Шмелев 2006, 198].

Между тем, В.В. Виноградов отмечает, что «значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова». Оно находится в зависимости от морфологических свойств, от грамматических категорий, к которым принадлежит слово, от тех контекстов, в которых наиболее частотно и типично его употребление, от семантических и лексических связей с другими словами, от лексических отношений с синонимами и близкими по значениям словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова [Виноградов 1977, 166].

В лингвистике вслед за В.В. Виноградовым стали выделять **три основных типа лексических значений**:

1. **Прямое**, или **номинативное** значение. Оно напрямую отражает предметы, действия, качества действительности и их общественное понимание. По мнению В.В. Виноградова, это «опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений». Также, его называют свободным, так как его функциональность не ограничивается и не связывается фразеологическими сочетаниями. поскольку функционирование его обычно не ограничено и не связано рамками фразеологических сочетаний. Область употребления прямых значений слова тождественна связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира: *пить воду, квас, вино, чай, сидр, сок* и т.п.; *каменный дом, подвал, фундамент, пол, сарай* и т.п.

2. **Фразеологически связанное** значение проявляется только в строго определенном контексте. Сюда относятся значения слов, ограниченных в своих связях. К примеру, глаголы *накрапывать, моросить* применяются лишь по отношению к *дождю*.

3. **Синтаксически обусловленное** значение проявляется в словах, за которыми закреплена строго определенная синтаксическая функция в составе

предложения, синтаксические свойства слова как члена предложения как бы включены в его семантическую характеристику. Например, в разговорной речи слово *молодец* при выражении одобрения функционирует как сказуемое: Она у нас молодец [Виноградов 1977, 182].

Лексическое значение слова является сложной структурой, которая определяется через его семантику, прагматику, синтактику. Если рассматривать лексическое значение слова с семантической точки зрения, то в его структуре выделяют сигнификативный и денотативный аспект. С прагматической точки зрения лексическое значение слова содержит экспрессивно-эмоциональную оценку и коннотации. С синтаксической точки зрения значение определяется через синтагматические связи с лексическими значениями других языковых единиц в составе словосочетания или предложения. Парадигматически же лексическое значение определяется позицией единицы среди синонимического ряда [ЛЭС 1990, 262].

В связи с тем, что разные аспекты значений характеризуют один и тот же предмет с разных сторон, они находятся в тесной связи, им свойственно взаимодействие в рамках цельного лексического значения единицы.

Различные аспекты значения «тесно связаны и взаимодействуют в пределах единого целого — лексического значения единицы», поскольку «они по-разному, с разных сторон характеризуют одну и ту же сущность» [Новиков 1982, 97]. В языкознании принято выделять следующие **аспекты лексического значения**: сигнификативное, денотативное, структурное (синтагматическое и парадигматическое) и эмотивное.

Под **сигнификативным значением** понимается «специфическое языковое отражение объективной действительности, основное языковое содержание лексической единицы» [Современный русский язык 2001, 180].

Структурное значение в лингвистике рассматривается как «формальная характеристика свойств лексической единицы, определяющая её место в системе языка». Оно «раскрывается через отношение знаков

(единиц) друг к другу». В этой связи принято выделять два подвида структурного значения: синтагматическое и парадигматическое. Синтагматическое значение – это характеристика линейных отношений лексических единиц, которые образуют определённую последовательность в их одновременном соотношении друг с другом в тексте. Его называют валентностью (потенциальной сочетаемостью в языке) или сочетаемостью (в речи). Парадигматическое структурное значение – это характеристика нелинейных отношений лексических единиц, семантически взаимосвязанных между собой и противопоставленных друг другу в пределах класса (парадигмы). Его называют значимостью или дифференциальным значением [Современный русский язык 2001, 180].

Под **эмотивным значением** понимается «специфическое языковое выражение оценки обозначаемого с помощью стилистически маркированных лексических единиц, т.е. не являющихся стилистически нейтральными». То есть эмотивное значение является оценочным, эмоциональным, экспрессивным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения. В нём имеется прагматический характер. Эмотивное значение может определяться как закреплённое в языковой системе отношение говорящего к словам и их значению, а также то воздействие, которое они оказывают на людей [Современный русский язык 2001, 183].

Денотативное значение определяется как «предметное значение лексической единицы». Оно раскрывается через отношение языковой единицы к конкретному предмету действительности, данной ситуации [Современный русский язык 2001, 184].

1.1.2. Семема и её основные компоненты

В рассуждениях о лексической семантике Л.М. Васильев делает акцент на том, что в живой речи человек не сталкивается с абстрактными значениями, такими как лексические, грамматические, словообразовательные. Здесь сталкиваемся с конкретными словоформами и

их значениями, то есть с семемами (если под семемой понимается всё содержание словоформы, а не только её лексическое значение) [Исследования по семантике 1983, 15].

Под семемой понимается единица языкового содержания, которая соотносится с морфемой, совокупностью сем [БЭС 1999, 1081]. Сема реализуется как составная часть семемы, то есть элементарного значения слова (лексико-семантического варианта слова) [ЛЭС 1990, 437]. Сема — «минимальная предельная составная часть (компонент) элементарного значения» [Новиков 1982, 116], или «минимальная, предельная единица плана содержания» [ЛЭС 1990, 437].

Сема и семема реализуются на разных языковых уровнях. Семема реализуется на коммуникативном уровне (в речи, в тексте) в качестве одного из элементарных значений языковой единицы. А выделение семы возможно только на уровне лингвистического анализа. Таким образом, в плане содержания семема — единица более высокого уровня [Современный русский язык 1998, 166].

Для обнаружения структуры семемы необходимо свести содержание значения к его простейшим компонентам — семам [ЛЭС 1990, 437].

Структура семемы — семантическая структура словоформы, которая образуется иерархически организованной совокупностью сем.

Структурирование семем необходимо для выявления динамических процессов в семантике слов, которые связаны с их метафоризацией, метонимизацией, фразеологизацией, приобретением контекстуально обусловленных и окказиональных смыслов [Шмелев 2006, 202-203].

Ряд исследователей в области лексикологии считает еобходимым разграничивать ядерные и периферийные семантические компоненты [Васильев 1990, 101-102]. Многие лексикологи выделяют родовую сему (архисему) как обязательную составную часть семемы, являющуюся центральной и иерархически главной, и дифференциальные семы. Архисема — «родовая интегрирующая сема, которая свойственна всем

единицам определённого класса и которая отражает их общие категориальные свойства и признаки» [ЛЭС 2002, 437].

Архисемы называют также категориально-лексическими. В семантической структуре слова архисемы занимают промежуточное положение между грамматическими семами, уточнителями которых они являются, и всеми другими лексическими семами, служащими для уточнения их самих.

Например, в значении глагола *идти* есть грамматические семы «действия», «непереходности» и категориально-лексическая сема «перемещения», уточняющаяся дифференциальными семами «с помощью ног», «по твёрдой поверхности» [Кузнецова 1980, 50].

У семы обычно сложная внутренняя структура, выделяющая, как правило, эмпирический компонент (денотативный), рациональный, или сигнификативный (сигнификат, концепт, понятийное содержание), и коннотативный, или прагматический [Исследования по семантике 1983, 15].

Под **эмпирическим компонентом** значения понимается результат конкретного понятийного и образно-чувственного мышления, который отражает действительность одновременно и в форме понятий, и в форме представлений (*берёза, дом, лес, сладкий, красный, сидеть, спать*). Под **рациональным компонентом** понимается результат абстрактного понятийного мышления (причина, следствие, отношение). **Коннотативный компонент** значения определяется как результат логически слабо расчленённого отражения действительности, который связан с чувственно-ситуативным мышлением. К коннотациям относятся обычно экспрессивно-образные, эмоционально-образные, эмоционально-оценочные и модально-оценочные содержания (коннотации слов типа *осёл, собака, дуб, прикорнуть, фифа, цаца, величественный, подвиг, придётся*) [Васильев 1990, 91].

Помимо этого, выделяются следующие составные части семем: 1) лексические и грамматические; 2) эксплицитные и имплицитные; 3) парадигматические и синтагматические (по типу отношений между

единицами языка); 4) доминирующие и зависимые (по характеру отношений между ними внутри семемы); 5) ядерные и периферийные; 6) идентифицирующие и дифференцирующие; 7) категориальные и идеосинкретические (по степени их повторяемости, регулярности и по степени их абстрактности); 8) обязательные и факультативные (по степени их закреплённости за определенными значениями) [Васильев 1983, 16].

Отдельного внимания заслуживают эксплицитные и имплицитные, ядерные и периферийные, а также идентифицирующие и дифференцирующие компоненты значений.

Эксплицитные и имплицитные составные части значения отличаются по способу их представленности в плане выражения. Эксплицитными (явно выраженными) принято называть такие компоненты, у которых имеется явное словообразовательное (морфемное), формообразовательное (морфологическое) или синтаксическое (лексико-семантическое) выражение.

Например: *стол/стола* (дополнительный семантический компонент «множественное число» в производной словоформе *стола* выражается окончанием -ы); *читать/буду читать* (грамматическое значение 1-го лица единственного числа выражается словоформой *буду*) и т.д.

Имплицитные (скрытые) компоненты значения не имеют явного выражения в формальной лексико-грамматической структуре языка. Они могут представляться только совместно с другими составными частями одной и той же словоформой (лексемой) или морфемой. Например: *человек* — *мужчина* (имплицированы компоненты «человек»); *мужчина* — *юноша* (имплицированы компоненты «человек» и «мужской пол») [Васильев 1990, 98-99].

В зависимости от идентифицирующего значения определенного семантического класса принято разграничивать **ядерные** и **периферийные** компоненты семемы. Ядерные служат для образования инвариантных значений семантической группы слов. Периферийные же в свою очередь

имеют свойство без ограничений изменяться в его составе. Например, компонент «говорить (осуществлять речь)» в значениях глаголов *говорить*, *произносить*, *разговаривать*, *тараторить*, *мямлить* является ядерным, а компоненты «взаимность», «быстро», «невнятно» – периферийными [Васильев 1990, 102].

Компоненты семем могут делиться на **идентифицирующие** и **дифференцирующие**. Это подразделение производится в зависимости от их функции в составе различных лексических, словообразовательных и грамматических парадигм. По мнению Л.М. Васильева определенный компонент значения в рамках одной семантической парадигмы может выполнять идентифицирующую функцию, а в рамках другой – дифференцирующую. Например, компонент «быстро» по отношению к парадигме *говорить – разговаривать – тараторить – мямлить* является дифференцирующим, а по отношению к парадигме *тараторить – строчить – мчаться – нестись – шнырять – ринуться – броситься – кинуться – устремиться* – идентифицирующим [Васильев 1990, 102].

1.2. Лексика как система

1.2.1. Системные отношения в лексике (парадигматические, синтагматические и деривационные)

Одним из самых важных признаков языка является системность. Она же — основной предмет изучения лингвистики. По мнению И.П. Слесаревой, одна из самых основных проблем лингвистики — системность. Связано это в первую очередь с неоднозначным толкованием понятия системы. В широком смысле система — «совокупность элементов, связанных внутренними отношениями» [Слесарева 2010, 13].

В области лексики системность целесообразнее изучать от семантики к форме: распределяя слова в определенную систему, мы в первую очередь руководствуемся общностью значений, следовательно, в лексике

системность образуется за счет взаимосвязи языковых единиц, которые отражают связанные объекты и предметы реальной жизни. В таком случае лексическую систему следует рассматривать в качестве внутренне организованной совокупности языковых компонентов, которые находятся в закономерной взаимосвязи и в постоянном взаимодействии [Фомина 1983, 170].

Под языковой системой понимается ряд языковых единиц, которые находятся в закономерной взаимосвязи друг с другом, который характеризуется определенной цельностью [Русский язык. Энциклопедия 1998, 477].

Понятие «класс слов» становится ключевой категорией в лингвистике. В современной науке о языке его роль растет. Это связано с тем, что современное языкознание основывается на системном подходе к изучению языка, который является «универсальной знаковой системой, выполняющей коммуникативную функцию и служащую средством мышления». Особую важность в системе языка представляют парадигматические отношения. В их основе лежит близость лексических единиц по определенным признакам (по элементам их содержания или формы). Под классами слов понимают формы лексической системы языка с максимально проявленными парадигматическими отношениями. Классы слов служат основой всей системы языка. Можно сказать, что им отводится роль системообразующего начала [Лексико-семантические группы 1989, 4].

Словарный состав языка следует рассматривать как систему лексических единиц, которые взаимосвязаны друг с другом посредством принадлежности к определённым классам слов. Под лексической системой понимается взаимосвязанных, пересекающихся классов слов различного объёма и характера.

Системность языка проявляется различными способами. Примером самого типичного такого проявления считается группировка слов по семантическому признаку. Для обозначения таких группировок

употребляются такие термины, как лексико-семантическая группа, тематическая группа, семантическая парадигма, семантические, ассоциативные, понятийные поля, функциональные классы и др. Самым частотным по употреблению термином, получившим наибольшее признание, является лексико-семантическая группа [Лексико-семантические группы 1989, 5–6].

Отталкиваясь от того мнения, что система — это ряд взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, можно сделать вывод о том, что системность лексики — объективный факт. В структуре лексической языковой системы группы слов разграничиваются по следующим признакам:

- слова, связанные общим или противоположным значением (синонимы, антонимы);
- слова со схожими или противоположными стилистическими свойствами;
- слова, образованные по одному типу словообразования;
- слова, связанные идентичным происхождением [Зиновьева 2005, 31].

Системные отношения слов проявляются в трех основных типах отношений: **парадигматических, синтагматических и деривационных.**

Под **парадигматическими** отношениями понимают системные связи, охватывающие определенные классы слов, которые находятся в единстве по своей категориальной сущности, то есть это системные отношения в группе слов, которые объединены определенными общими признаками [Зиновьева 2005, 32]. К области парадигматических отношений относятся группы слов в языковой системе, которые строятся на принципе оппозиции — синонимы, антонимы, гипонимы, паронимы, гнезда слов, семьи слов, лексико-семантические группы. Также сюда относится более широкая группа слов, которую лингвисты называют полем [ЛЭС 1990, 438].

Слова, которые могут быть противопоставлены друг другу по определенному семантическому признаку, объединяются в лексико-семантическую парадигму. В такие лексические парадигмы могут объединяться слова в синонимических отношениях, антонимических, слова одной тематической группы [Русский язык. Энциклопедия 1998, 326].

Под **синтагматическими** отношениями понимаются системные связи, которые проявляются в определенных закономерностях, по которым сочетаются слова [Зиновьева 2005, 32] и которые проявляются в определенных лексических сочетаниях. К синтагматическим отношениям относят группы слов в зависимости от их расположения в речи относительно друг друга [ЛЭС 1990, 439]. Посредством синтагматических отношений проявляется способность слов образовывать связи друг с другом. Эта связь определяется с помощью предметно-смысловых связей, грамматических свойств, лексических особенностей слов.

Синтагматические связи в большей степени, чем парадигматические, подвергаются изменениям, которые обусловлены содержанием речи. Это объясняется тем, что сочетаемость конкретных слов во многом зависит от контекста.

Деривационные отношения принято еще называть словообразовательными. Они заключаются в смысловой зависимости некоторых слов друг от друга: *мама — мамочка, снег — подснежник* [Зиновьева 2005, 32-33]. В процессе словообразования изменяются форма и семантика языковой единицы, которая принимается за изначальную [ЛЭС 1990, 129].

Таким образом, в процессе лингвистического анализа языковых явлений, необходимо учитывать важную роль такого свойства языка, как системность. Также необходимо проявлять системность в лексике, учитывая взаимосвязь парадигматических, синтагматических и деривационных отношений. Объясняется это тем фактом, что если при изучении лексики опираться на формирование различных связей между словами, то

повышается осознанность, и понижается механическое усвоение языковых единиц [Зиновьева 2005, 54].

1.2.2. Семантические группировки слов. Проблемы систематизации лексики

Очевидно, что весь словарный состав языка строится на понятии системности. Для нас особую актуальность приобретает анализ групп слов, объединенных по определенному семантическому признаку. По словам М.М. Покровского, «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе независимо от нашего сознания в различные группы, и основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский 1986, 82].

Под классификацией принято понимать результат описания, которое было направлено на проявление системных свойств предмета. В процессе классификации языковых единиц первостепенной задачей является установление номенклатуры объединений слов и выявление их типологий. Объединения слов получают разные названия: «группы», «поля» «лексические», «лексико-семантические», «семантические», «тематические», «идеографические», «понятийные», «словесные», «языковые» [Слесарева 2010, 49-50]. В данный момент не существует полного единообразия в вопросах терминологии, используемой для определения разноаспектных отношений между единицами языковой системы.

В современной науке о языке существуют различные мнения и подходы к принципам словесных группировок, также существует множество терминов в этой области. Однако присутствует и общее направление в разграничении различных типов группировок, которое определяется некоторой упорядоченностью терминологии. М.М. Покровский обнаруживал в лексической системе следующие группировки слов: внутриязыковые объединения («по сферам представлений») и внеязыковые объединения («по

предметным областям») [Покровский 1959, 57]. В современной лингвистике эти идеи получили активное развитие в области вопроса о семантической организации словарного состава языка, в том числе, в теории семантических полей, лексико-семантических и тематических групп.

Э.В. Кузнецова дала следующее определение классу слов: «Классы слов — это максимальные формы проявления лексической парадигматики». Эти формы имеют свойство существовать в виде широких объединений слов, которые представляют собой семантические парадигмы. Эти парадигмы объемнее и сложнее, нежели лексические оппозиции, являющиеся компонентами этих парадигм [Кузнецова 1980, 48]. Л.М. Васильева дает отдельное определение семантическому классу. По ее мнению, «это лексические поля парадигматического типа, представляющие собой более или менее сложные группировки, члены которых связаны общим смыслом» [Васильев 1990, 126].

Группировки слов по семантическому признаку являются самым типичным проявлением лексической системности. Для обозначения этих группировок употребляются следующие термины: лексико-семантические группы, тематические группы, семантические парадигмы, семантические, ассоциативные, понятийные поля, инвариантные и функциональные классы [Лексико-семантические группы 1989, 6].

1.3. Семантическое поле как системное лексическое образование

Современные семантические исследования в числе всех задач самой главной выделяют исследование состав и структуру различные семантических группировок. Ряд языковедов определяют анализ языкового состава методом поля одним из самых эффективных [Васильев 1990, 20-21]. В области изучения семантики языковых единиц семантическому полю отводится важная роль.

В современной науке о языке Йост Трир является основателем теории семантического поля. По его мнению, любая лексема имеет свое значение. Но это значение появляется у нее только как у компонента поля. Значение слово известно носителю языка только при условии, что значения других слов этого же поля ему тоже известны. Й. Трир первый, кто начал делить систему языка по иерархическому принципу на два вида полей, которые параллельны друг другу: поля понятийные и поля словесные. Каждый вид поля строится на элементарных единицах — понятиях и словах [Васильев 1971, 107].

В лингвистике семантическое поле определяют как «совокупность языковых единиц, которые объединены общим содержанием и которые отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС 1990, 380]. При характеристике семантического поля большая роль отводится следующим свойствам: 1) наличие семантических отношений между его компонентами; 2) эти отношения носят системный характер; 3) языковые единицы, входящие в состав семантического поля, взаимозависимы и взаимоопределяемы; 4) поле обладает определенной автономностью; 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства; 6) семантические поля в рамках лексической системы взаимосвязаны [Кобозева 2000, 99].

Теория семантических полей строится на представлении о том, что в языковой системе существуют группы языковых единиц, связанных семантическим значением. Причем эти единицы могут входить как в одну, так и несколько групп. Также, лексика может рассматриваться как совокупность таких групп, которые объединены различными отношениями: синонимическими (*хвастать* – *похваляться*), антонимическими (*говорить* – *молчать*) и т.п.

Компоненты определенного семантического поля находятся в регулярных и системных отношениях. Из этого следует, что все слова, входящие в это поле, противопоставлены. При этом сами поля могут не

просто пересекаться, но и полностью включаться друг в друга. Значение каждой языковой единицы можно определить точнее только при условии, что значения других единиц, входящих в это поле, известны. Это можно рассмотреть на следующем примере: существует два цветовых ряда *красный – розовый* и *красный –розовый–розоватый*. Если при определении значения какого-либо цветового оттенка ориентироваться только на первый цветовой ряд, то несколько разных цветовых оттенков могут быть обозначены одной и той же лексемой *розовый*. В свою очередь второй ряд предоставляет более детальное членение оттенков цвета, то есть те же цветовые оттенки будут соотнесены уже с двумя лексемами – *розовый* и *розоватый*.

У одного и того же слова может быть несколько значений. Соответственно оно может входить в различные семантические поля. Рассмотрим на примере: существительное *лимон* может входить в семантическое поле 'фрукты', но одновременно с этим в определенном контексте может войти в поле со значением 'деньги'.

По мнению И.М. Кобзевой, Л.М. Васильева и ряда других ученых, отношения, которыми связаны языковые единицы в пределах семантического поля, неодинаковы. Они могут отличаться своей «широтой» и специфичностью». Самыми общими типами связей являются парадигматические (синонимические, антонимические, родо-видовые и др.) [Васильев 1987, 58].

Рассмотрим на примере: группа слов *валюта, рубли, евро, доллар* и т.д. с одной стороны, может сформировать отдельное семантическое поле, единицы которого находятся в отношениях «общее — частное», а с другой стороны, может входить в состав другого семантического поля со значением 'деньги'. При этом лексема *валюта* выполняет роль гиперонима для следующих лексем: *рубли, евро, доллар* и т.д.

Поле глаголов речи может быть представлено в виде объединения синонимических рядов (*разговаривать – беседовать – общаться –...; ругать – бранить – критиковать...; дразнить – высмеивать – вышучивать –...)* и

т.д.

Семантический признак, который является общим и объединяющим компоненты определенного поля, в рамках другого поля может являться дифференциальным. Например, семантическое поле глаголов коммуникации включит в себя поле глаголов речи наряду с такими лексемами, как *телеграфировать*, *написать* и др. Интегральным семантическим признаком для этого поля является признак передачи информации, а канал передачи информации — устный, письменный и др. — выступит в роли дифференциального признака.

Выявление и описание семантических полей часто происходит посредством методов компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Лексические группировки, выявленные в процессе ассоциативного эксперимента, принято называть ассоциативными полями.

В ряде лингвистических трудов понятия семантического поля и лексико-семантического поля являются тождественными. Так, в работах И.П. Слесаревой для объединений слов, чья структура шире, чем у лексико-семантической группы, использует термины *семантическое поле* или *лексико-семантическое поле* [Слесарева 2010, 54]. Несмотря на это, все чаще в работах ученых термин лексико-семантическое поле заменяется термином семантическое поле. Например, в энциклопедии «Русский язык» семантическое поле определяется как «иерархическая структура множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу» [Русский язык. Энциклопедия 1998, 458].

Однако многие лингвисты считают такие изменения неправомерными. Е.И. Зиновьева утверждает, такое понятие, как семантическое поле значительно шире, и во время анализа такого поля должны использоваться данные других научных дисциплин. В свою очередь, лексико-семантическое поле объединяет вербальный ряд единиц – слова и словосочетания, которые объединяются в зависимости от того значения,

которое они выражают [Зиновьева 2005, 35]. И.П. Слесарева же для широких полей ввела термин «понятийные поля» (например, поле «количество») [Слесарева 2010, 54].

1.4. Лексико-семантическая группа и ее основные характеристики

«Результатом описания, направленного на выявление системных свойств объекта, является классификация. При классификации лексических единиц встает задача установления номенклатуры объединений слов (необходимый этап описания всего словаря в идеографическом плане) и выявления их типологии», – пишет И. П. Слесарева [Слесарева 2010, 47]. Для того, чтобы выявить системный характер лексики, достаточно выявить наличие в ней группировки слов, которые объединены общностью значения. Эти группировки определяются как лексико-семантические парадигмы. Компоненты этих парадигм связаны парадигматическими отношениями.

С помощью парадигматических отношений происходит характеристика лексико-семантических парадигм. Кроме того, эти отношения напрямую зависят от морфологических особенностей слов. Это прослеживается на существенном отличии слов, обозначающих предметы, и слов со значением признака.

Посредством парадигматических отношений выражаются содержательные связи, существующие между явлениями действительности. Однако, эти отношения предстают в «скорректированном» виде. Эта «корректировка» происходит посредством воздействия самого языка и его лексико-семантической системы. Следовательно, в области лексики нельзя производить классификацию, основывающуюся лишь на классификации предметов и явлений. Еще важно отметить, что любая группировка слов в разной степени зависит внеязыковой или собственно языковой системы.

Таким образом, при определении парадигмы как компонента лексико-семантической системы языка за основание необходимо брать общность

содержания содержащихся в ней лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов.

В процессе анализа отношений между семемами в конкретном значении слова, между разными значениями в многозначном слове и между компонентами парадигмы формулируется следующее положение: на разных уровнях лексико-семантической системы проявляются одни и те же типы отношений:

- 1) отношения сопредельности (т.е. взаимодополнительности),
- 2) родовидовые отношения,
- 3) отношения подобия,
- 4) отношения противоположения.

Все эти типы отношений в парадигмах реализуются по-разному. Примечательно, что в одних парадигмах реализуются несколько типов отношений, а в других — только один [Слесарева 2010, 76].

Однако, важно отметить, что структура парадигмы формируется под постоянным воздействием определенных факторов:

- 1) то, что обозначается (то есть соотнесенность с действительностью);
- 2) то, какой частью речи обозначается явление действительности.

Такие парадигмы, как весна, *лето, осень, зима; утро, день, вечер, ночь; голова, плечо, рука, нога, живот* и т.п., обозначают части целого – части суток, года, части тела и т.п. Отношения в этих группах носят характер дополнительности. Особенность значения дополнительности заключается в том, что слова, входящие в парадигму, не могут заменять друг друга. Здесь слова находятся в отношениях, основанных на связях между явлениями действительности. Но и при таких отношениях присутствуют у групп присутствуют особенности собственно лингвистического характера. Это можно рассмотреть на примере: слова из ряда *утро, вечер, день, ночь* характеризуются отношением распределения целого как «куска» действительности.

У отношений дополнительности существует еще одна сложность, основанная на синонимии, возникающей при выражении эмотивной оценки или личного отношения к предмету (ср.: деньги — бабло — кэш, рубль — рубас — деревянный), или антонимией (рубль — доллар, богатый — бедный и т.п.) [Новиков 1983, 42].

Одна и та же область действительности в языке может репрезентироваться разными группами слов, причем эти группы могут состоять из разных частей речи. Другими словами, разными языковыми категориями. Например, с существительными, обозначающими расстояния соотносятся наречия, обозначающие место — *далеко, близко* и т.п., прилагательные — *близкий, далекий* и т.д.

Семема 'зрение' является объединяющей и для глаголов *увидеть, смотреть, присмотреться* и т.п., и для существительных *глаз, зрачок, изображение* т.п., и для прилагательных *близорукий, дальнорезкий, зоркий* и т.п.

Такие группировки слов в настоящий момент малоисследованны. Следовательно, трудно рассуждать об особенностях репрезентации категории расстояния в существительных, наречиях и прилагательных, понятия зрения в глаголах, существительных, прилагательных и т.д. [Новиков 1983, 36].

Еще одна проблема — недостаточно разработанный терминологический аппарат, применимый для различных видов парадигм. Лишь несколько терминов сейчас активно используются с более или менее точным определением, стоящих за ними понятий.

Под лексико-семантической группой понимается парадигма слов, относящихся к одной части речи.

К парадигме слов с семантической общностью, но разными частями речи, принято применять термин *тематическая группа слов*.

Отдельно стоит обозначить особенности понятий, обозначающих отношения синонимического и антонимического характера. «Синонимический ряд слов» и «антонимическая пара слов» — это не

отдельные виды парадигм, а вид отношений между компонентами лексико-семантической группы и тематической группировки слов. Важно отметить, что в рамках одной и той же лексико-семантической группы или тематической группы слов могут встречаться отношения как синонимичного, так и антонимичного характера.

Ряд исследователей придерживается точки зрения, что по отношению к лексике нельзя говорить о системности как таковой. Это связано с тем, что слово является не столько единицей языка, сколько синтетической единицей речи в связи с ее активной подвижностью и изменчивостью.

Н.И. Толстой в своих трудах придерживается мнения, что в лексике следует разграничивать два плана — выражения (лексикология) и содержания (семасиология). По его мнению, современная лексикология настолько развита, что есть причины выделять лексикологию «чистую», которая занимается только лишь лексемным аспектом словарного состава языка. В этом случае уравнивать лексическую и семантическую систему нельзя, собственно, как саму лексику и семантику. Ведь семантика — это совокупность значений слов. И в том случае, если основная единица лексики — это слово, то предельной единицей семантического уровня будет являться значение слова.

Однако большинство ученых считает правомерным говорить о системности лексики.

Ю.Д. Апресян считает, что при рассмотрении системности лексики важно учитывать два фактора: как определяется система и как описана лексика. Сам Апресян дает два определения системы:

1) множество объектов образует систему, если для их полного и избыточного описания требуется меньшее число элементов;

2) множество объектов образует систему, если они могут преобразоваться друг в друга по регулярным, достаточно общим правилам.

Для представления лексики в соответствии с первым определением, необходимо располагать семантическим языком, в котором число элементов

меньше числа лексических единиц. В этом случае полнота описания системности лексики зависит от количества подобий в семантическом строении единиц. Для представления лексики в соответствии со вторым определением, помимо наличия словаря с описанием ее по определенным принципам, необходимо учитывать правила взаимодействия значений и правила перефразирования. В соответствии с этим, можно утверждать, что системность лексики в настоящее время выражена гораздо в большей степени, чем считалось до сих пор.

Зачастую, системно в лексике изучается по направлению от значения к форме, лексеме: при рассмотрении системности слов в первую очередь рассматривается общность смыслов, а далее делаются выводы о системном характере носителей смысла (лексем). В этой связи системный характер лексики строится на основе взаимосвязи языковых единиц, через которые отражается взаимосвязь и взаимообусловленность предметов и объектов реальной действительности. При таком понимании лексическая система – это «внутренне организованная совокупность языковых элементов, закономерно связанных между собой относительно устойчивыми отношениями и постоянно взаимодействующих» [Апресян 1974, 59].

Помимо этого, системный характер лексики доказывается системностью сочетаемости каждого слова и каждого его значения с другими лексическими единицами. Каждое из них может входить в определенные глагольные или именные связи в соответствии с закономерностью, которая строится на основе связей между предметами реальной действительности и на законах сочетаемости слов в конкретном языке. Данные законы, которые для каждого языка индивидуальны, образуют серьезную трудность в изучении языка.

Необходимость точного разграничения понятий лексики и семантики связана с появлением и установлением такого понятия в лексикологии, как лексико-семантическая система. Под лексико-семантической системой понимается семантическая система, соотносимая с лексическим составом

языка.

Семантическое поле — группы слов одной части речи, объединенных по семантическому признаку, классы слов разных частей речи, соотнесенных семантически, лексико-грамматические поля, парадигмы синтаксических конструкций, связанных трансформационными (деривационными) отношениями и различные типы семантико-синтаксических синтагм.

Майер под семантическим классом понимает определенное количество упорядоченных выражений. Упорядочивание происходит по какому-либо семантическому признаку (дифференцирующему). При этом, по мнению Майера, характер дифференцирующего фактора не логический, а языковой. Следовательно, этот фактор должен извлекаться непосредственно из языка. В одной и той же лексеме может содержаться несколько таких факторов, т.е. несколько компонентов значения. Такие лексемы могут входить в состав разных семантических классов. Следовательно, эти классы могут пересекаться. Исходя из этого, Майер формулирует основную задачу семасиологии: устанавливать в какую (или какие) из семантических систем включено конкретное слово и, как следствие, определять ее дифференцирующий фактор. В современной науке подобный анализ обозначается термином «компонентный».

По мнению Л.М. Васильева, семантические поля можно разделить на три типа: парадигматические, синтагматические и комплексные.

К первому типу (парадигматические поля) Л.М. Васильев считает необходимым отнести классы лексических единиц с общностью семем: ЛСГ, антонимы, синонимы, морфологические группы слов и т.д.

К синтагматическим полям ученый относит те классы слов, которые связаны по употреблению, но не употребляются в одной синтагматической позиции.

К комплексным полям относятся словообразовательные ряды, которые могут состоять из слов разных частей речи, а также лексико-семантические группы, в которых инвариантные значения частей речи неоднородны.

Э.В. Кузнецова определяет лексическую систему как систему сложных взаимодействий словесных объединений. При этом для определения значимости каждой отдельной лексемы необходимо установить все классы слов, в которые может входить данная лексема.

Если под лексической системой понимать совокупность средств языкового выражения, то в ней есть такие основные черты, как распределение слов по семантическим классам. Э.В. Кузнецова под классами слов понимает максимальные формы проявления лексических парадигм. При этом классы слов могут существовать в качестве лексических объединений, которые представляют собой семантические парадигмы. Но эти парадигмы объемнее и сложнее, нежели словесные оппозиции, входящие в такие парадигмы в качестве их компонентов.

Основой такого класса является принцип общности лексем по определенным компонентам. Несмотря на то, что существует большое количество типов классов, они все находятся во взаимосвязи друг с другом [Кузнецова 1989, 103].

По мнению В.В. Виноградова, для современного языкознания изучение лексических групп — важная задача. В.В. Виноградов считает, что историческая лексикология в первую очередь должна изучать закономерности изменения лексических групп в историческом аспекте, опираясь на развитие общества, на историю народа. В своих трудах в процессе описания семантических группировок В.В. Виноградов придерживался пути М.М. Покровского. Он среди всех типов лексических значений выделял не только собственно грамматические категории, но и «предикативные». Однако в своих работах ученых не рассматривает ЛСГ как словарное явление, соответственно не раскрывает ее своеобразия в этом аспекте [Виноградов 1986, 96].

Однако В.В. Виноградов достаточно плотно занимался проблемой системности в лексическом составе языка, а также сформулировал понятие системы именно в этом аспекте. Ученый понимает лексико-семантическую

систему языка как совокупность лексического инвентаря и внешних форм слов, их грамматические и словообразовательные категории, посредством которых и определяются группировки слов и отношения между словами внутри группировки. Ученый отмечает, что сам термин «лексико-семантический» позволяет обнаружить двойственную природу как самого понятия: основная единица системы — слово в его лексико-семантических связях.

Важно отметить, что словарный состав, как система, в которой слова выполняют лишь номинативную функцию, и лексико-семантическая система — абсолютно разные понятия. Лексико-семантическая система — это взаимосвязь, взаимодействие значения слов с другими уровнями языка. Л.В. Щерба утверждает, что слова и их значения в конкретном языке образуют систему, которая едина для всех носителей языка. При этом, если рассматривать слово, как смысловую единицу языка, отражающую определенный элемент реальной действительности, оно может выражать его общественное понимание и являться компонентом лексико-семантической системы данного языка [Щерба 2008, 186].

А.А. Уфимцева в рамках рассуждений о семантических микро- и макросистемах языка, рассматривает лексико-семантическую группу как основной вид лексико-семантических подсистем или систем. Ученый выделяет черты, свойственные всем лексико-семантическим системам:

- 1) слово — главная единица лексико-семантической системы, причем слово рассматривается во всем многообразии его лексико-семантических связей, которые в определенной ситуации могут являться лексико-семантическим вариантом;
- 2) любая лексико-семантическая группа содержит центральное слово;
- 3) компоненты этой микросистемы могут составлять синонимические ряды, пары, которые образуют семантический минимум;
- 4) внутренняя сторона слов — сложная система взаимосвязанных компонентов;

5) особенности смыслового содержания зависят от экстралингвистических факторов;

б) смысловые связи в языковой системе на разных уровнях типичны.

Ф.П. Филин использует термин «ЛСГ» и для обозначения семантических полей. По мнению Ф.П. Филина, лексико-семантическая группа — «лексическое объединение с однородными, сопоставимыми значениями», которое является специфическим явлением языка, зависящее от хода его исторического развития [Филин 1982, 114].

Ф.П. Филин один из первых лингвистов, который обратил внимание на тот факт, что рассмотрение лексики языка как системы ЛСГ является достаточно распространенным, но не точным. Это связано с тем, что под лексико-семантическими группами сейчас понимается различные явления: и ряд слов с общностью лексико-грамматических или словообразовательных значений, которые, несмотря на свою важную роль в исследованиях, не являются основным объектом лексикологии.

В своей работе «Очерки по теории языкознания» Ф.П. Филин рассматривает термины «тематическая» и «лексико-семантическая группа» и стоящие за ними понятия, но четких разграничений между ними не делает. По его утверждению, в определении любой тематической группы важно определить дифференцирующий признак. Тематические группы могут в себя включать как сами ЛСГ, так и их компоненты. По мнению Ф.П. Филина в пределах тематической группы есть меньшие ЛСГ, которые тесно связаны между собой [Филин 1982, 154]. Таким образом, понятие тематической группы намного шире понятия ЛСГ. Опираясь на исследования об особенностях употребления эти групп в языке, можно выделить различия и сходства этих понятий. Сходство состоит в том, значения слов, которые составляют группу, демонстрируют познания реальной действительности. Различие же состоит в том, что ЛСГ — результат действия закономерностей развития лексической семантики языка, в то время как состав тематических групп слов варьируется от уровня знаний того или иного народа, от умения

классифицировать явления действительности.

В своих исследованиях по теории языкознания Ф.П. Филин приводит основные признаки ЛСГ. Сюда относятся:

- 1) ЛСГ всегда содержит родовидовые отношения;
- 2) связи между словами в составе ЛСГ носят синонимический и антонимический характер;
- 3) в составе ЛСГ есть опорное и производное слова, без которых не была бы обозначена семантическая идея ЛСГ (опорное слово) или эта идея была бы обеднена (производные слова).

Классификация Ф.П. Филина основывается на отношениях между словами, входящими в состав группы. В рамках тематической группы в основе этих отношений лежат внешние отношения между понятиями. Интересно, что при различных основаниях классификации одно и то же слово может входить в ЛСГ и выходить из нее, при этом его значение может оставаться неизменным. ЛСГ — это такое специфическое явление, в основе которого лежит историческое развитие языка, соответственно ее компоненты не могут переходить из одной ЛСГ в другую, не разрывая при этом связь друг с другом. Самыми важными связями между компонентами ЛСГ Ф.П. Филин называл такие, как синонимические и антонимические.

Родовые и видовые понятия находятся в соотношении как в тематических группах, так и в ЛСГ. Примечательно, что при этом в ЛСГ может даже и не быть слов с родовым понятием [Филин 1982, 152].

Л.М. Васильев под лексико-семантической группой понимает любой семантически связанный ряд лексем, у которых есть хотя бы одна общая парадигматическая сема.

Понятие лексико-семантической группы необходимо разграничивать с понятиями тематической группы, ряда. Последние определяются как группировки слов, объединенных одной темой. Причем наличие ядерной семы необязательно. В некоторых случаях лексико-семантические и тематические группы могут пересекаться или же полностью совпадать.

Лексемы в рамках одной тематической группы обозначают видовые понятия по отношению к их родовым. Выделение тематических групп происходит по экстралингвистическим критериям.

Б.А. Серебренников выделяет такие характерные признаки лексико-семантической группы:

1) у компонентов ЛСГ есть постоянный семантический контекст, специфический для каждого значения;

2) компоненты ЛСГ сочетаются с другими лексемами по определенным моделям;

3) в ЛСГ существуют межсловные связи в микросистемах. Отдельный элемент микросистемы может вступать в семантическую связь с элементами других микросистем. Эта связь носит частичный характер, другими словами, она не затрагивает весь смысловой объем;

4) в лексико-семантической группе могут быть установлены синонимические ряды, синонимические пары, представляющие собой семантический минимум;

5) понятие лексико-семантической группы не ограничивается только инвентарным перечислением ее членов и их значений. В ЛСГ может быть легко выделено центральное слово, как имеющее наибольшее число значений.

А.И. Кузнецова основой лексико-семантической группы понимает категориально-лексические семы, которая в каждой отдельной лексеме уточняется с помощью дифференциальных сем.

Опираясь на рассмотренные исследования лингвистов, формулируем рабочее определение лексико-семантической группы. Лексико-семантическая группа — это лексическое объединение, в котором слова группируются на основе интегральной семы, набор дифференциальных сем может быть однотипным, повторяющимся и специфическим для каждой лексико-семантической группы.

Выводы по главе 1

Лексические единицы, образующие лексико-семантическую систему языка, связаны отношениями тождества, сходства, противоположности и пр. Суть лексической системы состоит в иерархических связях и отношениях составляющих ее языковых элементов и их совокупностей.

Системность лексики проявляется в том, что каждое слово и каждое из присущих ему значений имеет определенную систему сочетаемости, входит в определенные именные и глагольные сочетания.

В основе теории семантических полей лежит представление о существовании в языке некоторых семантических групп и о возможности вхождения языковых единиц в одну или несколько таких групп.

Глава 2. ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДЕНЬГИ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Состав лексико-семантической группы «Деньги»

Путем сплошной выборки из словарей мы выявили примерный состав языковых единиц, которые включают в себя сему 'деньги'.

Нами были проанализированы словари синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой (1970 г.), А.С. Гаврилова (2013 г.), З.Е. Александровой (2001 г.), Н.Абрамова (2010 г.), а также «Словарь конца XX века под редакцией Скляревской» (2002 г.).

Во всех пяти словарях мы отталкивались от центральной семы 'деньги'. Наиболее частотными словами, которые были обнаружены в 4 из 5 словарей, являются *капитал, финансы, презренный металл*.

Следующими по частоте языковыми единицами стали семы *монета, казна, деньжонки*. Эти слова были выявлены в 3 из 5 словарях.

В 2 из 5 словарях встретились следующие единицы: *гроши, копейка, бабки, деревянные, баксы, касса, мелочь, зеленые, баишь*.

Только в Словаре синонимов под редакцией А.С. Гаврилова встретилось слово *бумажка*.

Денежки, деньжата, фити-мити, пети-мети, звонкая монета, капуста, золотой телец, желтый дьявол - данные семы были обнаружены лишь в Словаре синонимов под редакцией З.Е. Александровой.

В словаре синонимов под редакцией Н. Абрамова зафиксированы следующие семы: *аржаны, наличные, чистые Д., трудовые Д., чистоган, кровные Д., карман*.

Наиболее объемным по количеству языкового материала оказался «Словарь конца XX века под редакцией Скляревской». В нем было выявлено 21 слово: *быстрые Д., горячие Д., грязные Д., живые Д., баки, валюта,*

десятка, доллар, рубль, СКВ (свободно конвертируемая валюта), стольник, сторублевка, треха, трешник, трояк, тысячерублевка, червонец, четвертак, четвертной, штука, юкс.

Помимо кодифицированных слов в языковой практике по нашим наблюдениям активно используются слова незафиксированные в словарях. Экспериментальным методом (беседа с носителями языка, запросы в Национальном корпусе русского языка, Интернет-запросы) были выявлены следующие слова: *сталинские портянки, хрущевские фантики, червонец, чирик, четвертак, трояк, трешка, пятерка, полтинник, стольник, сотка, двушка, алтын», пятак, пятачок, гривенник, пятиалтынный, двугривенник, пятихатка, штука, кусок, лимон, деревянные, бабки, бабло, зелень, капуста, керенки, полтос, сотка, пятихат, пихота, рубль, пятерка, наличка, наличные, нал, безнал, карта, бабки.*

Таким образом, для нашего исследования нами было выявлено 87 слов, являющихся элементами ЛСГ «Деньги».

2.2. Классификация слов ЛСГ «Деньги»

Всего проанализировано 87 слов, проявляющих принадлежность к лексико-семантической группе «Деньги». Обозначаемые словами понятия, предметы (или денотаты) сами подсказывают их группировку.

Слова проклассифицированы по двум признакам: семантика, функциональные стили.

2.2.1. Функционально-стилистическая классификация

Основание для выявления системных связей слов представляют их коннотативные значения (лат. *sim/son* — вместе + *notare* — отмечать), т. е. те добавочные значения, которые отражают оценку соответствующих понятий — положительную или отрицательную, а также их функциональные особенности.

Все исследуемые слова в рамках данной классификации были разделены на следующие группы:

- 1) стилистически нейтральные лексика;
- 2) разговорная лексика;
- 3) жаргонная лексика;
- 4) просторечия;
- 5) книжная лексика.

В первую группу **стилистически нейтральной лексики** мы отнесли следующие лексемы: *валюта* – ‘любая разновидность денег, находящихся в обращении’, *деньги* – ‘средство обращения, которое функционирует как единица учета и средство сбережения’, *доллар* – ‘денежная единица США (доллар США), Канады (канадский доллар), Австралии (австралийский доллар) и ряда других стран’, *наличные* – ‘деньги в виде денежных знаков (в отличие от кредитных документов)’, *рубли* – ‘основная денежная единица на территории РФ’, *СКВ (свободно конвертируемая валюта)*- ‘валюта, которую резиденты и нерезиденты могут свободно покупать и продавать без каких либо ограничений’. Данные лексемы не имеют никакой стилистической и коннотативной окраски. Это связано с тем, что эти слова являются первоначальными названиями обозначаемых предметов и явлений. Таким образом из 87 отобранных слов 5 относятся к стилистически нейтральной лексике, это составляет 6%.

Группа **разговорной лексики** – самая объемная в рамках данной классификации. *Алтын* – ‘монета номиналом 3 копейки’, производная от нее лексема *пятиалтынный* является ‘разговорным наименованием монеты номиналом в 15 копеек’. *Аржаны* – ‘деньги, производное от фр. argent – деньги’. *Безнал* – ‘разговорный вариант термина «безналичный расчет»’. К этому значению близка лексема *карта*, которая употребляется в значении «банковская карта». Этим лексемам по значению можно противопоставить лексемы *наличка*, *нал*, *наличные*, *чистоган*, которые являются разговорным вариантом термина «наличные деньги». Слово *бумажка* в разговорной речи

может употребляться в адрес любых денег в виде бумажных купюр. *Гривенник* – ‘разговорный вариант обозначения монеты номиналом 10 копеек’, следовательно *двугривенный* – ‘монеты номиналом 20 копеек’. *Гроши* в разговорной речи употребляется по отношению к небольшой сумме денег. Лексема *двушка* – ‘разговорный вариант наименования монеты в 2 копейки’. Лексемы *денежки*, *деньжата*, *деньжонки* являются разговорными ‘производными от стилистически нейтрального слова «деньги»’. Лексема *деревянные* употребляется с иронической окраской, и исключительно по отношению к рублям. Связано это с тем, что в советский период рубль был неконвертируемой валютой. *Десятка* – ‘разговорный вариант обозначения купюры в 10 рублей’. К этому же значению можно отнести лексемы *чирик*, *червонец*. Лексемы *зеленые*, *зелень* являются ‘разговорным вариантом обозначения долларов США’. *Капиталы* и *касса* – ‘разговорное обозначение некоторой суммы денег’. Лексема *керенки* в разговорной речи обозначает ‘казначейские знаки достоинством в 20 и 40 рублей, выпущенные в августе 1917’. Слова *копейка* и *мелочь* чаще употребляется в значении «очень маленькая сумма денег». Лексемы *полтинник* и *полтос* – ‘разговорный инвариант обозначения купюры номиналом в 50 рублей’. Денежные знаки номиналом 5 рублей в разговорной речи обозначаются лексемами *пятак*, *пяточок*, *пятерка*, а купюры в 500 рублей – *пятихат*, *пятихатка*, *пихота*. По аналогии, лексемы *сотка*, *стольник*, *сторублевка* – ‘разговорный вариант обозначения купюры номиналом в 100 рублей’. Лексемы *треха*, *трешка*, *трешник*, *трояк* в разговорной речи периода СССР обозначали ‘денежный знак номиналом 3 рубля’, *четвертак* – ‘25 копеек’, а *четвертной* – ‘25 рублей’. Лексемы *штука* и *рубль* в разговорной речи обозначают ‘купюру номиналом в одну тысячу’. Примечательно, что *рубль* употребляется исключительно к русским деньгам, а *штука* может использоваться по отношению к разным валютам. Также сюда можно отнести фразеологические обороты с иронической окраской *сталинские портянки* и *хрущевские фантики*. Интересно отметить этимологию данных лексем, связанную с

денежной реформой 1961-го года. Дореформенные деньги за их крупный размер называли «сталинскими портянками», а послереформенные за их малую величину, сопоставимую с конфетной обёрткой, «хрущёвскими фантиками». Как видно, большую часть группы составляют лексемы, обозначающие денежные знаки определенного номинала. Таким образом, 49 из 87 слов относятся к разговорной лексике. Это составляет 56% от общего количества исследуемого языкового материала.

Следующая группа в рамках данной классификации – **жаргонная лексика**. В первую очередь мы отнесли сюда лексемы, обозначающие доллары США. Это *баки, баксы*. Производными от них являются *бабки* и *бабло*, но они уже употребляются в значении денег в общем, не обязательно долларов США. Также к жаргонизмам можно отнести слово *башль*, т.е. деньги, производное от глагола башлять (платить). Жаргонизм *лимон* в нейтрально лексическом эквиваленте является миллионом. Также жаргонизмами со значением деньги будут являться семы *казна, финансы* и *юксы*. Таким образом, жаргонизмы составляют 11% от всего объема языкового материала (9 сем).

Помимо жаргонизмов среди отобранных для исследования слов имеются **слова просторечные**. *Капуста, монета, пети-мети фити-мити* - все эти семы являются просторечным эквивалентом к слову деньги. И таким образом, 4 слова из 87 носят просторечный характер. Это составляет 5% от общего количество отобранных для исследования слов.

Помимо нейтральной и разговорной лексики в ЛСГ Деньги входит группа слов **книжного стиля**. Примечательно, что все семы этой группы являются своеобразными стилистически окрашенными фразеологическими оборотами. Например, лексема *быстрые деньги* - фразеологизм, который употребляется в значении быстрый заработок. Лексема *горячие деньги* употребляется по отношению денежным средствам, капиталам, владельцы которых срочно перемещают их из одной области применения или из одной страны в другую с целью избежать последствий инфляции или получить

более высокую прибыль. Деньги, заработанные нечестным путем, добытые обманом, мошенничеством в ЛСГ Деньги обозначаются фразеологизмом *грязные деньги*. В противоположность этой семе, можно привести фразеологизм *чистые деньги*, который обозначает честный заработок. Схожа по значению лексема *кровные деньги*, которая обозначает деньги заработанные честным непосильным трудом. Лексема *трудовые деньги* несет значение заработной платы. Фразеологизм *живые деньги* употребляется по отношению к наличным выплатам за выполненную работу. С отрицательной коннотацией употребляются фразеологические обороты *желтый дьявол* (жёлтый – цвет золота, золотых монет) и *презренный металл*. Эти семы употребляется в общем значении деньги. Еще один фразеологизм с тем же значением – *золотой телец*, его истоки уходят в библейские мотивы. Таким образом, 10 сем в виде фразеологических оборотов составляют 12% от всего объема исследуемого языкового материала.

2.2.2. Лексеко-семантическая классификация

Среди анализируемых нами слов мы выделили три основополагающих лексеко-семантических признака: семы, обозначающие деньги в общем, семы, обозначающие денежные знаки определенного номинала, а также семы, обозначающие деньги других стран.

Самая объемная группа из нами рассматриваемых включает в себя семы, обозначающие **деньги в общем**. В этой группе представлены слова различной стилистической окраски, а также фразеологические сочетания: *аржаны, бабки, бабло, башль, бумажка, быстрые деньги, валюта, горячие деньги, гроши, грязные деньги, кровавые деньги, трудовые деньги, денежки, деньги, деньжата, деньжонки, деревянные, желтый дьявол, живые деньги, звонкая монета, золотой телец, казна, капиталы, карман, касса, керенки, лимон, мелочь, монета, наличка, наличные, нал, пети-мети, презренный металл, чистоган, рубль, СКВ(свободно конвертируемая валюта), сталинские портянки, финансы, фити-мити, хрущевские фантики,*

чистыеденьги, юкс, безнал, карточка. Таким образом, 45 слов из 87 отобранных для исследования, что составляет 54%.

Следующая группа включает в себя слова, обозначающие **денежные знаки определенного номинала**. В этой группе можно выделить две подгруппы: 1) купюры, номинал которых существовал только период СССР, 2) купюры, номинал которых характерен как для периода СССР, так и для современности.

Итак, к первой подгруппе относятся следующие номиналы:

- 1 копейка – *копейка*;
- 2 копейки – *двушка*;
- 3 копейки – *алтын*;
- 10 копеек – *гривенник*;
- 15 копеек – *пятиалтынный*;
- 20 копеек – *двугривенник*;
- 25 копеек – *четвертак*;
- 3 рубля – *треха, трешка, трешник, трояк*;
- 25 рублей – *четвертной*.

Ко второй подгруппе мы отнесли следующие номиналы:

- 5 рублей – *пятак, пятачок, пятерка*;
- 10 рублей – *десятка, чирик, червонец*;
- 50 рублей – *полтос, полтинник*;
- 100 рублей – *сотка, стольник, сторублевка*;
- 500 рублей – *пятихат, пихота, пятихатка*;
- 1000 рублей – *штука, рубль, кусок, тысячерублевка*.

Таким образом, количество сем, обозначающих денежные знаки определенного номинала, соответствует 30. Это, в свою очередь, составляет 37%.

Семы, обозначающие деньги других стран - последняя группа в данной классификации. Она является самой малочисленной по количеству сем, которые в нее входят. Она включает в себя следующие слова: *баки, баксы*,

доллар, зеленые, зелень, капуста. Можно заметить, что все они обозначают деньги США, т.е. доллары. Это связано с тем, что и в период СССР, и в нашей современности доллары США являются самой распространенной международной валютой. Таким образом, нами было выявлено 6 сем, обозначающих деньги других стран. Это составило 9% от общего количества отобранного языкового материала.

Выводы по главе 2

Методом сплошной выборки из словарей, а также экспериментальным методом для исследования нами были отобраны 87 слов.

В рамках функционально-стилистической классификации было сформировано пять групп: стилистически нейтральная лексика (6%), разговорная лексика (56%), жаргонная лексика (11%), просторечия (5%) и слова относящиеся к книжному стилю (12%). В рамках классификации по лексеко-семантическому признаку нами были обозначены три группы сем:

- семы, обозначающие деньги в общем (54%);
- семы, обозначающие денежные единицы определенного номинала (37%);
- семы, обозначающие деньги других стран (9%).

Глава 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Изучение паремиологического фонда в аспекте семантической значимости имеет чрезвычайно важное значение. Это связано с тем, что пословицы и поговорки отражают национальный характер народа, его отношение к окружающему миру и к собственному бытию. Паремии в лингвосемантическом аспекте принято определять как семантически замкнутые устойчивые лексико-грамматические единства, которые являются маркерами ситуаций или взаимосвязей реалий между собой.

Цель данной главы — выявить особенности репрезентации концепта «деньги» в русской лингвокультуре путем выявления предметно-смыслового и оценочного компонентов паремиологических единиц. Методом сплошной выборки из словарей В.И. Даля «Пословицы русского народа», В.П. Жукова «Словарь русских пословиц и поговорок», В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» было выявлено 463 паремий, тем или иным образом репрезентирующих концепт «Деньги». В ходе отбора мы столкнулись с вопросом однозначности в репрезентации концепта. Дело в том, что в силу своей многомерности и диффузности одна и та же паремия может относиться к различным тематическим разделам и репрезентировать одновременно несколько концептов. Так, например, пословицы *Богатый бедному не брат* и *Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет* репрезентируют сразу два концепта: «бедность» и «богатство». Тем не менее, в анализ включались любые паремии, в которых актуализировался в яркой или «размытой» форме искомый концепт.

В процессе анализа семантической структуры паремии были объединены в тематические группы, эксплицирующие определенные концептуальные признаки: паремии, репрезентирующие смысл бедность;

паремии, репрезентирующие смысл богатство; паремии, репрезентирующие отношения смысл богатство и бедность; паремии, репрезентирующие смысл скупость; паремии, репрезентирующие смысл бережливость; паремии, репрезентирующие смысл голод; паремии, репрезентирующие смысл деньги.

3.1. Паремии, репрезентирующие смысл *бедность*

Данная группа объединяет 149 паремий. На основе того, что это самая объемная группа паремий, можно сделать вывод, что в русском языковом сознании концепт «Деньги» репрезентируется в первую очередь посредством семемы *бедность*.

В первую очередь стоит выделить те пословицы и поговорки, которые служат для **определения социального статуса «бедность»**. Сюда можно отнести следующие паремии: *Беден как церковная мышь; В кармане соловьи свищут; В одном кармане – вошь на аркане, другом – блоха на цепи; В одном кармане смеркается, в другом заря занимается; В семи дворах один топор; Вам смех, а у нас и в лаптях снег; Велик карман, да пуст; Ветром подбито, а морозом подшито; Всей одежи: две рогожи да куль праздничный; Гол – как лукошко, бос – как гусь; Гол – как осиновый кол; Дожился: штаны одни, а рубашек еще меньше; Есть добра: баня стара да рубаха рвана; Живем богато – со двора покато: чего не хватись, за всем в люди покатись; За душою нет ни полушки; Лавка бела, да изба гола; Медной посуды – крест да пуговица, рогатой скотины – таракан да жужелица; Много приданого: шуба да кафтан, да рубаха по пятам; Не дал бог ума, найдется сума; Ни дров, ни лучины – живем без кручины; Ни кола, ни вола, ни села, ни двора, ни мила живота, ни образа помолиться, ни хлеба, чем подавиться, ни ножа, чем зарезаться; Ни кола, ни двора, ни куриного пера; Одна хата – и та без крыши; Только и есть, что кнут да хомут; Только и земли имею, что под ногами; Только и посуды, что сучки в бревнах; Только и родни, что лапти одни; Только что концы с концами сводим; У бедной вдовы ни дров, ни воды;*

У кого ничего, а у нас пуще того; У нашего Андрюшки нет ни полушки и т.д. В данных паремиях смысл *бедность* реализуется за счет различных лексических единиц. В первую очередь, это частицы *не* и *ни*, которые указывают на отсутствие какого-либо предмета быта, одежды, пищи и других вещей, свидетельствующих об усредненном материальном положении (*ни кола, ни двора, не дал Бог* и т.д.). Те же смыслы несут и паремии, в которых бедность репрезентирована предметами, свойственными для жизни малообеспеченного человека (*Есть добра: баня стара да рубаха рвана, крест да пуговица* и т.д.). Здесь наиболее частотными по употреблению являются такие лексемы, как *карман, кол, дрова, босой, лапти, одёжа*.

Выделяются паремии, представляющие **основные характеристики бедности как явления**. В русском языковом сознании бедность репрезентируется как положительными смыслами, так и отрицательными. В рамках мелиоративной оценочности выделяются следующие значения:

1) бедные люди непривередливы, умеют довольствоваться малым, ценить мелочи (*Бедному все сапоги по ноге; Бедному кусок – за целый ломток; Впотьмах и гнилушка светит; И хило, и гнило, да лишь бы было; Из худого кармана и последний грош валится; Как небогат, так и копейке рад; На босую ногу всякий баширек впору; Рад нищий и тому, что пошил новую суму* и т.д.). Данное значение репрезентируется чаще посредством лексем *рад, впору, всякий*. Важную роль в этих паремиях играет союз *и*, который приобретает в контексте присоединительное значение;

2) несмотря на бедность, человек сохраняет главные морально-этические качества (*Бедный молодец честью богат; Гол, да не вор, беден, да честен; И кафтан греет, когда шубы нет; Лапти плесть — одна в день есть; Нищета не отнимает ни чести, ни ума; Хотя с нуждою, а добыюсь чести*). Это значение реализуется употреблением лексем *богат, честь, ум*, а также употреблением союзов *а* и *да*, которые выражают противительные отношения и противопоставляют честь и ум бедности.

В русском национальном сознании бедный человек традиционно воспринимается как страдающий от несправедливости – существует стереотип, что беда беду притягивает. В паремиях часто такой «притягивающей» бедой выступает бедность: *Бедному Кузьеньке бедная и песенка; В нужде и кулик соловьем свищет; Вздумал богатеть: купил козу, а сена нет; Дубина – жалованье бедняка; Кто везет, того и погоняют; На бедного везде каплет; На бедного Макара и шишки валяются; На бедняка и кадило чадит; По бедному Захару всякая щепка бьет* и т.д. Здесь ключевой лексемой выступает слово *бедный*, причем часто употребленное в дательном и родительном падежах, что подчеркивает бессилие человека в нужде. Ему будто судьба преподносит все тяжбы: и удары щепы, и дубину, и шишки.

Отдельное место занимает паремия *Бедность не порок*, от которой было образовано множество производных. Причем эти производные пословицы и поговорки либо подтверждают и усиливают значение исходной о «непорочности» (порок здесь – ‘недостаток’) бедности (*Бедность не порок, а большая скука*), либо дают абсолютно противоположное значение (*Бедность не порок, а без шубы холодно; Бедность не порок, а вдвое хуже; Бедность не порок, а мать всех пороков* и т.д.). В этих паремиях происходит не просто опровержение факта, что *бедность не порок*, но и многократное умножение этого опровержения – ведь бедность не порок, потому что она вдвое хуже, потому что она мать всех пороков. Усиление опровержения исходной паремии происходит за счет использования противительного союза *а*.

Существует паремия, в которой лексема *порок* заменяется синонимичной *грех*: *Бедность не грех, а до греха доводит*. Роль противительного союза *а* здесь иная. Значение этой производной паремии соотносится с исходной. Однако в контексте все равно присутствует отрицательное отношение к бедности, ведь как таковая она грехом не является, а вот к другим грехам принуждает. Аналогичное значение имеет паремия *Согрешешь и еще, когда в брюхе тощо*. Здесь единица *бедность*

заменяется синонимичной лексемой *голодно*, точнее, синонимичной ей производной *тощо*.

Также в русских поговорах о бедности может быть представлен семантический оттенок безвыходности: *Бедный бьется, как рыба об лед; Голь о голь, как рыба об лед; Из хомута – в ярмо; От крестьянской работы не будешь богат, а будешь горбат* и т.д.. Значение этих поговорок состоит в том, что, даже прикладывая огромнейшие усилия, из бедности вырваться невозможно. Тщетность этих усилий в языковом сознании реализуется глаголом *биться*, который в определенном контексте несет значение «выполнять безрезультативную работу».

Схожее значение имеют поговорки *Разума много, да денег нет; Разума много, да не к чему рук приложить; Рыбак-то рыбак, да без невода-то как?; Ума палата, да денег ни гроша* и т.д. Здесь говорится о невозможности личностной реализации из-за бедности, несмотря на наличие ума, разума или же таланта или навыка. Данное значение достигается употреблением противительного союза *да* (в значении *но*).

В оппозицию этим значениям можно привести ряд поговорок, которые говорят о возможности преодоления бедности посредством упорного труда: *Глядя на лес, не вырастешь, а смотря на людей, богат не будешь; Голь хитра, голь мудрена, голь на выдумки горазда; Лиха беда кафтан нажить, а рубаху и дома сошьют; Мужик-то гол, да в руках у него кол: есть надежда, что будет и одежда; Нужда заставит и коваля сапоги строчить, и коновала быть лекарем; Нужда научит калачи есть; Нужда научит калачи печь*. Важно отметить, что в большинстве этих поговорок по отношению к бедности употребляются глаголы третьего лица (*научит, заставит* и т.д.), что отождествляет бедность и человека.

Отдельное место в анализируемом языковом материале занимают пословицы и поговорки, центральной семемой в которых выступает *долг*. В русском языковом сознании сложилось устойчивое мнение о том, что быть бедным лучше, чем должным. В этом можно убедиться на примере

следующих паремий: *Взаймы не брав, хоть гол — да прав; Возьмешь лычко, а отдашь веревочку* и т.д.. Значение реализуется с помощью лексем *взаймы, взять*, а также противительных союзов *а, да*.

Таким образом, можно сделать вывод, что в русском языковом сознании паремии с центральным смыслом *бедность* чаще подчеркивают негативные стороны этого явления. Причем отрицательное влияние проявляется в различных аспектах. А положительное влияние заключается лишь в проявлении кротости, непривередливости и сохранении человеческих качеств.

3.2. Паремии, репрезентирующие смысл *богатство*

При классификации в группу паремий, репрезентирующих смысл *богатство*, мы объединили 101 паремию. По объему включенных в нее паремий, эта группа находится на втором месте. Вместе с тем, она выступает как определенный контраст для языкового материала из первой группы (см. п. 3.1).

В русском языковом сознании лексемы *богатство* и *бедность* находятся в антонимичных отношениях. Однако при анализе семантического содержания этих понятий на материале паремиологического фонда русского языка эта смысловая противоположность теряет свою категоричность. Если взять во внимание аспект влияния бедности и богатства на личность, то можно отметить их схожесть: они влияют на человека как положительно, так и отрицательно. Интересно, что в процессе анализа языкового материала стало очевидным, что среди паремий, репрезентирующих смысл *бедность*, и среди паремий, репрезентирующих смысл *богатство*, значительно преобладают паремии, показывающие отрицательное влияние этих явлений на человека.

Если положительное влияние бедности на личность заключается в таких человеческих качествах, как непривередливость, умение

довольствоваться малым, то относительно богатства, это заключается в умении грамотно распоряжаться материальными благами, в нахождении способов сохранения и приумножения своего финансового состояния (*Богатство ум рождает; Богатство ум даёт; Богатство разум рождает* и т.д.). Эти поговорки показывают, что человек, обладая «богатством», приобретает навыки прагматичного мышления, что способствует сохранению материальных благ. Это значение репрезентируется посредством глаголов *даёт, рождает, дарует* и лексем, обозначающих положительные качества человека. Однако в паремиологическом фонде русского языка существуют абсолютно антонимичные пословицы и поговорки, причем их значение реализуется лишь заменой глаголов *даёт, рождает, дарует* антонимичными глаголами *отнимает, отбирает, забирает, уменьшает*. Например, *Богатство ум отнимает; Богатство разум забирает; Богатство полюбится, и ум расступится*. Это говорит о наличии в русском сознании двоякого отношения к понятию «богатство».

Двоякость отношения к богатству явно отслеживается в группе **паремий, объединенных значением ‘богатым все двери открыты’**, в которых, с одной стороны, отражается мысль о простоте достижения своей цели, об уважении, проявляемом богатым людям, а с другой стороны, в этих паремиях присутствует семантический оттенок пренебрежительного отношения в связи с социальной несправедливостью. В эту группу мы включили следующие паремии: *Богата хоть дурака всяк почитает; Богатому везде дом; Богатому все льготно; Богатому завсе праздник; Богатому все (или: ежедень) праздник; Богатому и черт ребенка качает; В богатом доме и кошка – важная персона; Мертвый да богатый не бывает виноватый; Тому живется, у кого денежка ведется; Богатого – по отчеству, а бедного – по прозвищу; Богатому и в пекле хорошо*. Свое значение данные паремии репрезентируют посредством частого употребления лексемы *богатый* в форме дательного падежа. Также в этой группе отдельное место занимают пословицы, репрезентирующие отношение

смыслов 'богатство' и 'суд': *С сильным не борись, с богатым не судись; С богатым судиться – лучше в море утониться; В суде убогий перед богатым, хотя и прав, всегда бывает виноватым* и т.д. Здесь отражается вседозволенность у обеспеченных людей и их злоупотребление своим положением.

В следующую группу мы включили паремии, которые показывают **личностные качества, присущие богатым людям** (*Богатого не отличишь от вороватого; Богатому ни правды, ни дружбы не знавать; Богатому черти деньги куют; Богатство — скор путь во зло; Богатство — спеси родня; Богатство добыть — и братство забыть; Богатый врет – никто его не уймет; Богатый никого не помнит – только себя помнит; Богатый хоть и врет, а и то впрок идет; Богатый совести не купит, а свою погубит; Богач, что пепельница: чем полнее, тем грязнее; Будешь богат, будешь и рогат* и т.д.). Важно отметить, что все эти паремии соотносят смысл богатство лишь с отрицательными качествами. Причем чаще всего это реализуется посредством использования в одном контексте глаголов со значением 'утерять' и лексем, репрезентирующих положительные личностные качества (*братства забыть, дружбы не знавать, совесть погубит*). Отдельно здесь стоит выделить паремии, центральной семемой которых выступает *душа* и ее производные. В русском языковом сознании душа является определеннымместилищем качеств человека, и чем положительнее эти качества, тем «чище» и «больше» душа. И учитывая, что в паремиях, репрезентирующих смысл богатство, душа обесценивается, утрачивается (*Богатому душа дешевле гроша*), богатство явно негативно влияет на личность. Эту паремию можно рассмотреть и с другой точки зрения. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова лексема *душа* помимо прочих значений имеет следующее: «в старину: крепостной крестьянин» [Ожегов, 1984], т.е. человек бедный. Так открывается иной смысл пословицы, заключающийся в обесценивании человеческой жизни богатыми людьми. Сюда же можно включить пословицу *Богатство родителей – порча*

детям. Она отражает распространенное в русском национальном сознании мнение о том, что деньги развращают не только взрослых сформировавшихся людей, но и их детей, которые в процессе формирования личности усваивают чаще отрицательную модель поведения.

Следующая группа объединяет в себе **паремии с общим значением 'не в деньгах счастье'**. В первую очередь данный смысл обретает актуальность потому, что богатым людям свойственна скупость и боязнь утратить свое богатство. Тем самым человек лишает себя нормальной жизни и обрекает на постоянные беспокойства о своем материальном благополучии: *Богатому и не спится: богатый вора боится; Богатому сладко естся, да плохо спится; Без денег сон крепче* и т.д. Интересно, что данный смысл репрезентируется в данных паремиях производными глагола *спать*. Сон — это процесс, в котором человеческий организм восстанавливает свои силы. Любая стрессовая для человека ситуация негативно сказывается на его сне, следовательно человек не получает определенную физическую и психологическую «перезагрузку», что в конечном итоге приводит к подавленному и угнетенному состоянию. Далее приведем паремии, в которых репрезентируется значение 'здоровье не купишь': *Богатство без здоровья – ничто; Богатство человека от смерти не избавит* и т.д. Смысл данных пословиц заключается в следующем: каким бы большим материальным состоянием не обладал человек, оно не даст ему крепкого здоровья и, соответственно, долгой жизни. А имея какой-либо физический недуг, невозможно быть абсолютно счастливым. Отдельно стоит упомянуть о следующей особенности влияния богатства на человека: богатые люди, как правило, в любой ситуации уверены в своей правоте, следовательно, малейшая оплошность или неприятность может вывести их из душевного равновесия. Это отражается в следующих паремиях: *А богатый и на золото слезы льет; Богатому с полугорем жить; Богатый у полугоря горюет; Богатому и в раю тесно; Богатый и не тужит, да скучает* и т.д.

Среди анализируемого языкового материала выделили поговорки, **определяющие основные характеристики богатства как явления**. В некоторых из них, богатство предстает не в прямом своем смысле (материальное богатство), а определенными морально-этическими ценностями. Например: *Мои года — мое богатство; Здоровье ребенка — богатство семьи* и т.д. Также в русском языковом сознании под богатством может пониматься не материальная ценность, а умение контролировать свои потребности (*Богат не тот, у кого всего много, а тот, кому меньше нужно*).

Теперь рассмотрим поговорки, которые, по причине неповторяемости репрезентируемых смыслов, мы не объединили в группы. В русском языковом сознании распространено мнение о второстепенности материального богатства и первостепенности духовного (*Богатство — цель глупца, добродетель — мудрого; Богатства украшают жилище, добродетели — человека*). Данное значение репрезентуется посредством противопоставления смысла *богатство* смыслу *добродетель*.

Несколько поговорок из анализируемого языкового материала иллюстрируют сложность заработка: *В бурлачество — за богачеством; В аду не быть — богатства не нажить*. Здесь лексемы бурлачество и ад употребляются в смысле 'тяжелый труд'.

Также в русском языковом сознании распространено мнение о недолгосрочности богатства: *Деньги — вода; То густо, то пусто*.

Таким образом, смысл **богатство** репрезентуется в русских поговорках чаще с отрицательной коннотацией, которая вызвана преимущественно отрицательным влиянием богатства на человека.

3.3. Поговорки, репрезентирующие отношения смыслов *богатство* и *бедность*

Ранее мы уже отмечали, что смыслы *богатство* и *бедность* находятся в антонимичных отношениях (см. п. 3.2). Мы объединили 38 поговорок,

построенных на противопоставлении богатства и бедности, в отдельную группу. Внутри нее распределить по подгруппам сложно, т.к. все они показывают контрастность репрезентируемых понятий. Поэтому мы будем анализировать поговорки по тем признакам, которые лежат в основе того или иного противопоставления.

Первым основанием противопоставления выступают морально-этические качества, свойственные богатым и бедным людям. Здесь мы объединили следующие поговорки: *Бедный пожалеет, богатый — посмеется; Богат — да крив, беден — да прям; Богат ждет накости, а убог — радости; Богатому накость, а убогому радость; Богатство с деньгами, голь с весельем; Богачу — красть, а бедному — божиться; Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом; От нужды умнеют, от богатства жиреют.* Важно отметить, что при анализе семантического содержания становится явным следующее: бедность в сравнении с богатством характеризуется положительными качествами, богатство — отрицательными. Данное значение достигается употреблением противительных союзов *а, да (=но)*, сложноподчиненными предложениями по типу *Лучше..., чем...,* бессоюзными предложениями, предикативные части которого построены по одной и той же схеме, но в одной употребляется производная лексема от *бедность* или *бедный* и какая-либо положительная характеристика, а во втором — производная от *богатство* или *богатый* с противоположной отрицательной характеристикой.

Следующие поговорки объединены общим смыслом 'отношение общества к беднякам и богачам': *Богатого и вчуже знают, убогий и в своих невидим; Богатого по отчеству, убогого по прозвищу; Богаты — так здравствуйте, а убоги — так прощайте!; Богатый шепчется с кумой, а бедный — с сумой.* Противопоставление здесь достигается посредством сочинительных предложений с противительными союзами и бессоюзными предложениями с одинаковой структурой предикативных частей. Ранее мы уже встречались с поговорками, в которых богатство охарактеризовывалось

через ситуацию суда. В пословице *Богатому идти в суд: трын-трава, бедному: долой голова* мы получаем уже известный смысл вседозволенности богатых и беспомощности бедных.

Далее мы объединили паремии, в которых отражены отличительные черты жизнедеятельности богатых и бедных: *Бедность плачет, богатство скачет; Бедняк плачет, богач пляшет; Богат творит как хочет, а убог — как может; Богат шел в пир, а убог брел в мир; Богатого ложка ковшом, убогого ложка веселком; Богатому жаль корабля, а бедному — кошель; Богатому жить приятно, бедному — дышать тяжело; Богатому как хочется, бедному как можется; Богатому рай, а бедному ад; Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет; Богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи; убогий чего ни хлебнет — уснет* и т.д. Большая часть паремии обретает свой смысл через ситуацию еды: *ложка, едят, калачи* и т.д.

И последние паремии нами были объединены по признаку 'взаимодействие богатых и бедных в быту': *Бедный пот льет, а богатый его кровь пьет; Богат дивится: чем голь живется?; Богатый бедного не понимает; Богатый бедному не брат; Богатый не ведает, что бедный обедает; Для просьбы бедного у богатого уши глухи; Ел бы богач деньги, кабы убогий хлебом не кормил* и т.д. Можно сделать вывод, что в русском языковом сознании богатый человек существует за счет бедного (*убогий кормит, кровь пьет*), при этом остается глухим к тяжелой доле бедных (*уши глухи, не ведает*). Также подчеркивается социальное неравенство (*не брат, не понимает*).

Таким образом, при анализе паремий, в которых противопоставлены бедность богатству, была выявлена общая схема их построения: в большинстве своем это либо сложносочиненное предложение с противительным союзом, либо бессоюзное с одинаковой структурой предикативных частей.

3.4. Паремии, репрезентирующие смысл *бережливость*

В процессе анализа языкового материала из п.3.1 и п. 3.2 мы решили отдельной группой проанализировать паремии, в которых концепт «Деньги» репрезентируется сквозь призму смысла ‘бережливость’. Эти паремии тем или иным способом связаны с паремиями, репрезентирующими смыслы ‘богатство’ и ‘бедность’. Сюда мы включили 32 паремии.

Для начала разберем паремии, в которых определяется главный принцип бережливости и накопления: богатство не приходит сразу, нужно начинать беречь мелочи, которые в итоге образуют нечто большее. Сюда включили следующие паремии: *Грамм бережет килограмм, килограмм — тонны; Зернышко по зернышку — будет мешок; Из крошек — кучка, из капель — море; Копейка рубля бережет, а рубль голову стережет; Кто не собирает колосьев, у того не будет и воза; Подыми колосок — вырастет зерна мешок; Пушинка к пушинке — и выйдет перинка; Собирай по ягодке — наберешь кузовок; С мира по нитке — бедному рубаха*. Все эти паремии построены на принципе градации: при преумножении небольшого предмета получается нечто большее (*капля — море, грамм — килограмм, нитка — рубаха, пушинка — перинка, ягодка — кузовок* и т.д.).

Еще одним важным принципом бережливости считается умение расходовать свои ресурсы в соответствии с доходом. Этот смысл репрезентируется в следующих паремиях: *По плану работай, по плану и расходуй; По приходу и расход держи; Собранное по ложке, не выплескивай тазом; Десять раз отмерь, один отрежь*. Важно отметить, что данные паремии строятся в форме совета, наставления, что достигается посредством употребления глаголов в повелительном наклонении.

В русском национальном сознании считается, что любой предмет в определенной ситуации может стать необходимостью, следовательно, беречь

нужно каждую мелочь. В русских поговорах это суждение доказывается мыслью о том, что берегаемая вещь не требует для себя особых условий: *Запас глаз не колет; Запас кармана не дерет; Запас места не пролежит; Запас мешки не портит; Запас ни пить, ни есть не просит* и т.д. Интересно, что в этих поговорах берегаемый предмет репрезентируется лексемой *запас*. Также эти поговорки построены по одной и той же синтаксической структуре, в которой лексема *запас* всегда выполняет синтаксическую роль подлежащего, а сказуемое всегда выражено глаголом с частицей *не* (*не просит, не портит, не дерет, не пролежит* и т.д.).

И отдельной группой мы проанализировали поговорки, в которых определяется влияние бережливости на личность и его жизнедеятельность: *Бережливость – не скупость; Бережливость дороже богатства; Дальше положишь – ближе возьмешь; Запасливый и в дальнем пути нужды не терпит; Кто скупко живет, тот деньги бережет; Леня одежду бережет; Труд обогащает, а бережливость сохраняет; Что сегодня бережешь, завтра пригодится* и т.д.

Важно обратить внимание, что во всех поговорах, рассмотренных в рамках данной группы, смысл *бережливость* выступает исключительно в положительной коннотации, что позволяет сделать вывод о важном месте этого смысла в русском языковом сознании.

3.5. Поговорки, репрезентирующие смыслы *скупость* и *жадность*

В предыдущем параграфе при анализе поговорок, репрезентирующих смысл *бережливость*, мы столкнулись с поговоркой *Бережливость — не скупость*, в которой смыслы *бережливость* и *скупость* находятся в антонимических отношениях. На этом основании мы решили отдельной группой рассмотреть поговорки, репрезентирующие смысл *скупости* и *жадности*, чтобы выяснить отличия восприятия этих смыслов в русском языковом сознании. В эту группу мы включили 36 поговорок.

Если в поговорках, репрезентирующих смысл *бережливость*, она выступает средством сохранения и приумножения материальных благ, то скупость в русском языковом сознании всегда является средством их уменьшения или же потери: *За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь; Многого искать станешь, ничего не достанешь; Погнался за ковригой, да ломоть потерял; Погнался за ломтем, да без крохи остался; Погнался за топориком, да топор утопил; Тяжело нагребешь, домой не донесешь; Жадный глаз только сырой землей насытится*. Данный смысл репрезентируется посредством употребления обобщенно-личных предложений, построенных по схеме бессоюзного, и глаголов в форме 2-го лица (*погонишься, станешь, достанешь, нагребешь* и т.д.).

В русском национальном сознании жадность характеризуется своей безграничностью и «ненасытностью» ее «обладателя». Этот смысл воплощается в следующих поговорках: *Жадное брюхо ест по уху; Жадной собаке много надо; Жадности богатого конца-краю нет; Жадность — что река: чем дальше, тем шире; Не тот жаден, у кого мало, а тот, кто хочет большего; Сыта свинья, а все жрет; Богат мужик, а все копит; У кого через край, тому больше подавай; Хоть лопни брюшко, да не оставайся добро!* При репрезентации смысла жадность характерно употребление лексики разговорной стилистической окраски (*брюхо, жрет, лопни* и т.д.). Семантический оттенок ненасытности репрезентируется посредством употребления лексемы *больше* и ее производных. Также характерно частое употребление противительных союзов *а* и *да* в сочетании с лексемой *всё*, что добавляет семантический оттенок протяженности во времени.

В паремиологическом фонде русского языка жадность всегда выступает негативным качеством, вытесняющим положительные. Следующие поговорки реализуют смыслы:

1) ‘жадность уменьшает интеллектуальные способности человека’: *Жадность да важность — голове помеха; Жадность последнего ума лишает;*

2) 'жадность лишает человека спокойствия и радости': *Жадность покою — лютый враг; Жадный сам себе покою не дает; Жадность — всякому горю начало; Многого желать — добра не видать; При скупости да при жадности проживешь век без радости;*

3) 'жадность ставит человека в ситуации, в которых от него отворачиваются окружающие': *Кто скуп да жаден, тот в дружбе не ладен; Любит птичку, чтобы пела, да не ела;*

4) 'жадность проявляется в любой ситуации': *Жизнь висит на нитке, а думает о прибыли; Тонул — топор сулил, а вытащил — и топорница жаль; Звал гостей, а накупил костей.*

Для данных паремий характерна структура предложения, в которой подлежащее и сказуемое выражены одной частью речи, употребление противительных союзов, выполнением лексемой *жадность* синтаксической роли подлежащего.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что смыслы *жадность* и *скупость* и смысл *бережливость* в русском языковом сознании находятся в антонимичных отношениях. Смысл *жадность* всегда имеет отрицательную коннотацию.

3.6. Паремии, репрезентирующие смысл *голод*

Бедность (отсутствие средств для существования) как явление характеризуется, в первую очередь, невозможностью удовлетворять основную потребность человека — потребность в пище. Именно по этой причине среди паремий, репрезентирующих смыслы *богатство* и *бедность*, часто встречаются лексемы, обозначающие еду, пищу.

В русском языковом сознании голод — главный признак бедности. Соответственно, паремии, в которых встречается смысл голод, тем или иным способом репрезентируют смысл *бедность*. Однако, мы решили отдельной группой проанализировать паремии, в которых концепт «Деньги»

репрезентируется посредством смысла *голод*. В эту группу мы включили 73 паремии.

Большинство паремий этой группы семантически предназначены для констатации факта бедности, то есть человек, употребляя их, можно сказать, определяет свой социальный статус. Сюда относятся следующие паремии: *Бить-бранить есть кому, а кормить некому; Было житье — еда да питье; ныне житья — ни еды, ни питья; Гущу люблю пуще, а жижу я и дома вижу; День не варим, два не варим, день погодим — да опять не варим; Его собаки овсянку ели, наши на них через тын глядели; Еще ты не сидел у воды без хлеба; Живем — хлеб жуем, а иногда и подсаливаем; Живем хорошо: два кваса наладили, один как вода, другой еще пожисже; Зубы есть, да нечего есть; И мы видали, как бояре едали; И то бывало, что и мы кашу едали, а ныне — и тюря в честь; И то смешно, что в животе тощо; Кабы знать да ведать, где нынче обедать; Как беззобая курица — все голоден; Каша не наша, котел не свой; Кашица постная, да еще и без круп; Коли дома не пекут, так и в людях не дадут; Купил бы сала, да денег не стало; Купил от кренделя дырочку; Много ржи, да все лебеда; На обед — хлеб с солью да водица голью; на ужин горе наше — ржаная каша, а поел бы и такой, нет никакой; Не все с мясом, ино и с квасом; Не до жиру, быть бы живу; Не замесишь густо, как в амбаре пусто; Не радостен чужой обед, как своего дома нет; Не рука крестьянскому сыну калачики есть; Не то беда, что во ржи лебеда, а то беда, как ни ржи, ни лебеды; Ни росиночки, ни порошиночки во рту не было; Ныне толокно, завтра толокно; да как всякий день одно, так прискучит оно; Отец мой жил неровно: хлеб есть, так соли нет, соль есть, так хлеба нет; Совсем бы чай пить: вода и угли есть, только чаю да сахару нет; У нашего Власа ни костей, ни мяса; Хлеб с солью да водица голью.* Для констатации факта бедности в этих паремиях употребляются лексемы, обозначающие пищу (*хлеб, соль, квас, каша, крупа, гуща, питье, рожь, мясо, вода, крендель*), и лексемы, обозначающие их отсутствие (*нет, без, не дадут, не стало, не было, соединительный*

сочинительный союз *ни.., ни...*). Для репрезентации смысла *голод* в данных паремиях употребляется синонимичная лексема *тощо*. Также для противопоставления ситуации голода ситуации сытости активно употребляются противительные союзы *а, да*. Также среди этих паремий встречаются примеры употребления приема сарказма. Например, в паремии *День не варим, два не варим, день погодим — да опять не варим* трехкратное употребление глагола *варим* в сочетании с глаголом *погодим* на первый взгляд создает иллюзию значения изменения вида деятельности, однако частица *не* это значение обнуляет. Или в пословице *Живем хорошо: два кваса наладили, один как вода, другой еще пожиже* сочетания *живем хорошо* и *два кваса наладили* первоначально создают положительную коннотацию высказывания, однако при семантическом анализе второй его части полюс коннотации меняется: традиционно квас на Руси имеет густую, плотную консистенцию, тягучесть, соответственно, если квас по консистенции как вода, значит он неудовлетворителен для употребления. Семантическая составляющая сочетания *еще пожиже (воды)* усиливает прием сарказма, так как вода — жидкость, плотность которой превышает только бензин, следовательно, не при каких условиях квас не может быть «пожиже» воды.

В русском языковом сознании голодом считается лишь абсолютное отсутствие пищи. Это хорошо просматривается на паремиях, смысл которых заключается, в наставлении довольствоваться любой едой при ее наличии, не относиться к ней привередливо: *Голо, голо, а луковица во щи есть; Голодному и опята — мясо; Голодному Федоту и репка в охоту; Голодный откусил бы и от камня; Дорог хлеб, коли денег нет; Ешь щи с мясом, а нет — так хлеб с квасом, Казна с голоду не уморит, да и досыта не накормит; На обглоданную кость и сорока не падка; Голоден при хлебе не будешь; Не все с припасом, поживешь и с квасом, а порой — и с водой* и т.д. Во-первых, некоторые из этих паремий построены по принципу наставления или совета, что достигается посредством употребления глаголов в форме второго или третьего лица будущего времени или в повелительном наклонении

(*поживешь, накормит, уморит, ешь*). Также широко употребляется сослагательное наклонение (*откусил бы и от камня*) и предикативные основы сложноподчиненных предложений со значением условия (*коли денег нет; Ешь щи с мясом, а нет — так хлеб с квасом*).

Голод — состояние живого организма в потребности приема пищи, следовательно, это физиологический процесс, при котором человек испытывает физические недомогания (боль в области живота, тошнота, головокружение). То есть при голоде испытывается реальная физическая боль, что вносит ощущение страдания в человеческий организм. Это отражено в следующих пословицах: *Брюхо болит — на краюху глядит; Голод и волка из лесу гонит; Голод морит, по свету гонит; Голод не сосед — от него не уйдешь; Голодный волк сильнее сытой собаки; Горек обед без хлеба; Где голод, там и холод; На пустое брюхо всякая ноша тяжела*. Этот смысл реализуется посредством употребления лексем, обозначающих процессы, доставляющие дискомфорт человеческому организму (*болит, гонит, морит, горек, холод, тяжела* и т.д.).

Помимо физического недомогания голод создает психологические «травмы»: сознание человека занимают лишь мысли о насыщении (*Голодного песнями не насытишь; Голодной курице все просо снится; Голодному хлеб и во сне видится; Голодный праздников не считает; Есть молоко, да достать далеко; Не поужинавши — легче, а поужинавши — лучше; С погляденья сыт не будешь*). Также голод лишает человек определенных механизмов, связанных с инстинктом выживания (*Голодный разбой не боится*).

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что в русском языковом сознании смысл *голод* в пословицах репрезентируется лишь с отрицательной коннотацией и служит для определения статуса бедности человека.

3.7. Паремии, репрезентирующие смысл *деньги*

В последней группе мы решили проанализировать паремии, в которых концепт «Деньги» репрезентируется посредством употребления лексемы *деньги* и семантически синонимичных лексем. Здесь мы объединили 34 паремии.

В русском языковом сознании всегда ценили те деньги, которые нажиты честным трудом, без обмана. Это отображается в следующих паремиях: *Праведная денежка до веку живет; Трудовая денежка - мозольная; Трудовая денежка всегда крепка; Трудовые деньги век кормят.* Данный смысл репрезентируется посредством употребления лексемы *денежка* вместо *деньги*, эпитетов *трудовая* и *праведная* — это создает положительную коннотацию смыслу *деньги*.

Деньги всегда считались большой ответственностью, и грамотно ими распорядиться может только человек рассудительный: *Без ума торговать – только деньги терять; Без хозяина деньги – черепки; Трудно деньги нажить, а с деньгами и дурак может жить.* Это доказывается употреблением лексемы *деньги* в одном контексте с лексемами *ум*, *дурак* и т.д. Также помимо умственных способностей, человек, владеющий деньгами, должен обладать положительными морально-этическими качествами: *Бог даст денежку, а черт – дырочку, и пойдет богова денежка в чертову дырочку; У денег глаз нет, за что отдают - не видят; Деньги не пахнут.* Еще одним признаком ответственности при использовании денег является регулярный их подсчет, что предотвращает «разорительные» и «безответственные» траты: *Деньги не щепки, счетом крепки; Деньги счет любят; Деньги счетом крепки; Дружба дружбой, а денежкам счет.* Данный смысл репрезентируется посредством употребления различных форм лексемы *счет*. Иногда уровень ответственности при владении большими суммами считается неоправданным (*Без денег сон крепче*).

Важно отметить, что в русском национальном сознании считается недопустимым вмешательство в финансовые вопросы других людей. Это подтверждается следующими паремиями: *Свой грош - строй, что хошь; Считай деньги в своем кармане!* и т.д. примечательно, что эти паремии сформулированы не просто как наставление, а как приказ, что вносит семантический оттенок категоричности этого положения. Это достигается посредством употребления глаголов в повелительном наклонении (*строй, считай*), а также восклицательной интонации.

Считается, что крупные суммы денег никогда просто так не появляются (*Деньги не щепки, на полу не подымешь*), и поэтому даже небольшая сумма может стать необходимостью (*Без денег день худенек; Без копейки рубль щербатый; Без копейки рубля нет; Береги денежку про черный день; Ближняя копейка дороже дальнего рубля; Блюди хлеб про еду, а копейку про беду; Вовремя копейка дороже рубля*). Здесь же появляется смысл бережливость за счет употребления лексем *береги, дороже*. Однако, в русском языковом сознании не отрицается и простота добычи денег: *Деньги к деньгам льнут; Деньги не голова: наживное дело; Деньги не грибы – можно и зимой найти*.

Также распространено мнение о недолгосрочности владения деньгами (*Деньги приходят и уходят как вода*).

Таким образом смысл *деньги*, в отличие от смыслов *богатство* и *бедность*, в русском языковом сознании чаще не имеет коннотационной полярности.

Выводы по главе 3

Концепт «Деньги» в паремиологическом фонде русского языка может репрезентироваться посредством таких смыслов, как *бедность*, *богатство*, *скупость*, *голод*, *бережливость* и собственно *деньги*. В общей сложности мы выявили 463 паремии и распределили их по группам в зависимости от репрезентируемого ими смысла следующим образом:

- паремии, репрезентирующие смысл *бедность*: 149 паремий (32%);
- паремии, репрезентирующие смысл *богатство*: 101 паремия (22%);
- паремии, репрезентирующие отношение смыслов *богатство* и *бедность*: 38 паремий (8%);
- паремии, репрезентирующие смысл *бережливость*: 32 паремии (7%);
- паремии, репрезентирующие смысл *скупость*: 36 паремий (8%);
- паремии, репрезентирующие смысл *голод*: 73 паремии (16%);
- паремии, репрезентирующие смысл *деньги*: 34 паремии (7%).

Проанализированные нами паремии являются отражением русского языкового сознания, в котором те или иные смыслы могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию.

В качестве способов репрезентации данных смыслов наиболее частотным оказалось определенное контекстуальное противопоставление посредством употребления различных противительных союзов, а также употребление разговорной лексики и глаголов в форме повелительного наклонения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данной работы и стало исследование лексико-семантической группы «Деньги».

В первой главе мы выяснили, что лексико-семантическая система характеризуется парадигматическими и синтагматическими отношениями и представляет собой совокупность элементов взаимосвязанных между собой. Лексико-лексемантическая группа — это совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения. Члены ЛСГ связаны определенными лексеманτικο-парадигматическими отношениями: синонимии, антонимии, уточнений, дифференциаций и др. Внутри лексико-лексемантических групп выделяют: тематическую группу, гиперонимы и гипонимы. Слова внутри лексико-лексемантических групп объединяются лексемантической полисемией.

Во второй главе нами был проведен анализ лексико-лексемантической группы «Деньги». В первую очередь нами был определен примерный состав лексико-лексемантической группы «Деньги». Методом сплошной выборки из словарей, а также экспериментальным методом для исследования нами были отобраны 87 слов. Далее нами была проведена классификация отобранного языкового материала по двум показателям: функциональные стили и лексемантика.

В рамках функционально-стилистической классификации нами было сформировано пять групп: стилистически нейтральная лексика (6%), разговорная лексика (56%), жаргонная лексика (11%), просторечия (5%) и слова относящиеся к книжному стилю (12%). Важно отметить, что большая часть сем, относящихся к группе разговорной лексики, является словами, обозначающими денежные единицы определенного номинала, и что все семы

в рамках группы слов книжного стиля выражены стилистически окрашенными фразеологическими оборотами.

В рамках классификации по лексемантическому признаку нами были обозначены три группы сем:

- семы, обозначающие деньги в общем (54%);
- семы, обозначающие денежные единицы определенного номинала (37%);
- семы, обозначающие деньги других стран (9%).

В третьей главе мы установили, что концепт «Деньги» репрезентируется в русских поговорках посредством следующих смыслов: бедность, богатство, голод, бережливость, скупость и жадность, деньги. Было проанализировано 463 поговорки, которые нами распределены по группам в зависимости от репрезентируемого ими смысла следующим образом: а) поговорки, репрезентирующие смысл *бедность*: 149 поговорок (32%); б) поговорки, репрезентирующие смысл *богатство*: 101 поговорка (22%); в) поговорки, репрезентирующие отношение смыслов *богатство* и *бедность*: 38 поговорок (8%); г) поговорки, репрезентирующие смысл *бережливость*: 32 поговорки (7%); д) поговорки, репрезентирующие смысл *скупость*: 36 поговорок (8%); е) поговорки, репрезентирующие смысл *голод*: 73 поговорки (16%); ж) поговорки, репрезентирующие смысл *деньги*: 34 поговорки (7%).

В первом параграфе были рассмотрены поговорки, репрезентирующие смысл *бедность*. Здесь поговорки были распределены по подгруппам: определение социального статуса «бедность» (*В кармане соловьи свищут; В одном кармане – вошь на аркане, другом – блоха на цепи* и т.д.), поговорки, представляющие характеристики бедности как явления (*Бедному все сапоги по ноге; Бедный молодец чеством бога* и т.д.), поговорки с лексемой *порок* (*Бедность не порок, а без шубы холодно; Бедность не порок, а вдвое хуже; Бедность не порок, а мать всех пороков*), поговорки с семантическим оттенком безвыходности (*Бедный бьется, как рыба об лед; Голь о голь, как рыба об лед*), поговорки с центральной семемой *долг* (*Взаимы не брав, хоть гол*

— *да прав; Возьмешь лычко, а отдашь веревочку* и т.д.). Здесь мы пришли к выводу, что в русском языковом сознании смысл бедность обретает чаще негативную окраску.

Во втором параграфе мы рассмотрели паремии, репрезентирующие смысл *богатство*. Здесь также распределили паремии по семантическим подгруппам: паремий, объединенных значением ‘богатым все двери открыты’ (*Богата хоть дурака всяк почитает; Богатому везде дом* и т.д.), паремии, которые показывают личностные качества, присущие богатым людям (*Богатого не отличишь от вороватого; Богатому ни правды, ни дружбы не знать* и т.д.), паремии с общим значением ‘не в деньгах счастье’ (*Богатство без здоровья – ничто; Богатому сладко естся, да плохо спится* и т.д.), паремии, определяющие основные характеристики богатства как явления (*Богат не тот, у кого всего много, а тот, кому меньше нужно*). Здесь выявлено, что в паремиологическом фонде русского языка смысл богатство репрезентуется с отрицательной коннотацией, которая вызвана преимущественно отрицательным влиянием богатства на человека.

В третьем параграфе мы рассмотрели паремии, которые репрезентируют отношение смысла *богатство* и смысла *бедность*, которые находятся в антонимичных отношениях. Здесь паремии распределялись по подгруппам в зависимости от признака, который лежит в основе противопоставления смыслов. Первым основанием противопоставления выступают морально-этические качества, свойственные богатым и бедным людям (*Бедный пожалеет, богатый —посмеется; Богат — да крив, беден — да прям* и т.д.). Важно отметить, что при сравнении бедности и богатства бедность всегда обладает положительной коннотацией. Следующие паремии объединены общим смыслом ‘отношение общества к беднякам и богачам’ (*Богатого и вчуже знают, убогий и в своих невидим; Богатого по отчеству, убогого по прозвищу* и т.д.). Далее мы объединили паремии, в которых отражены отличительные черты жизнедеятельности богатых и бедных (*Бедность плачет, богатство скачет; Бедняк плачет, богач пляшет* и т.д.).

И последние паремии нами были объединены по признаку 'взаимодействие богатых и бедных в быту' (*Бедный пот льет, а богатый его кровь пьет; Богат дивится: чем голь живется?; Богатый бедного не понимает* и т.д.). Была выявлена общая схема построения паремий в этих подгруппах: в большинстве своем это либо сложносочиненное предложение с противительным союзом, либо бессоюзное с одинаковой структурой предикативных частей.

В четвертом параграфе проанализированы паремии, в которых концепт «Деньги» репрезентируется сквозь призму смысла 'бережливость'. Здесь тоже паремии распределили по подгруппам: паремии, в которых определяется главный принцип бережливости и накопления: богатство не приходит сразу, нужно начинать беречь мелочи, которые в итоге образуют нечто большее (*Грамм бережет килограмм, килограмм — тонны; Зернышко по зернышку — будет мешок* и т.д.), паремии, в которых реализуется принцип расхода ресурсов в соответствии с доходом (*По плану работай, по плану и расходуй; По приходу и расход держи* и т.д.), паремии, в которых определяется влияние бережливости на личность и его жизнедеятельность (*Бережливость — не скупость; Бережливость дороже богатства; Дальше положишь — ближе возьмешь* и т.д.). Смысл бережливость выступает исключительно в положительной коннотации, что позволяет сделать вывод о важном месте этого смысла в русском языковом сознании.

В пятом параграфе рассмотрены паремии, репрезентирующие смыслы *скупость* и *жадность*. Скупость в русском языковом сознании всегда является средством уменьшения материальных благ или же потери: *За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь; Многого искать станешь, ничего не достанешь* и т.д. В русском национальном сознании жадность характеризуется своей безграничностью и «ненасытностью» ее «обладателя» (*Жадное брюхо ест по уху; Жадной собаке много надо; Жадности богатого конца-краю нет* и т.д.). Для данных паремий характерна структура предложения, в которой подлежащее и сказуемое выражены одной частью

речи, употребление противительных союзов, выполнением лексемой жадность синтаксической роли подлежащего.

В шестом параграфе рассмотрены поговорки, репрезентирующие смысл *голод*. Большинство поговорок этой группы семантически предназначены для констатации факта бедности (*Бить-бранить есть кому, а кормить некому; Было житье — еда да питье; ныне житья — ни еды, ни питья*). Рассмотрены поговорки, которые показывают факт физического дискомфорта при голоде (*Брюхо болит — на краюху глядит; Голод и волка из лесу гонит; Голод морит, по свету гонит*).

В седьмом параграфе мы решили проанализировать поговорки, в которых концепт «Деньги» репрезентируется посредством употребления лексемы деньги и семантически синонимичных лексем. Было выявлено, что смысл *деньги*, в отличие от смыслов *богатство* и *бедность*, в русском языковом сознании чаще не имеет коннотационной полярности.

Подводя итоги нашего исследования можно отметить, что поставленные задачи выполнены.

Список использованной литературы

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов / Н. Абрамов. — 8-е изд., стер. — М.: Русские словари [и др.], 2008. — 667 с.
2. Александрова, З.Е.: Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова — М.: Русский язык, 2007.
3. Алимпиева, Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы / Р.В. Алимпиева — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 177 с.
4. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. — М.: Дрофа, 2004. — 476 с.
5. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. — М., 1974.
6. Барлас, Л.Г. Русский язык. Стилистика. Пособие для учителей / Л.Г. Барлас. — М.: «Просвещение», 1978. — 256с.
7. Бережан, С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц / С.Г. Бережан. — Кишнев, 1973. — 135 с.
8. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов — Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. — 204 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с. (БТСРЯ)
10. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . — 2-е изд., перераб. и доп . — М. : Большая Российская энциклопедия, 2000 .
11. Бондарко, А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. — 220 с.

12. Брагина, А.М. Функции синонимов в современном русском языке: автореферат дис... доктора филологических наук / А.М. Брагина. — М., 1979. — 16с.
13. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая лексемантика / Л.М. Васильев. — М.: Либроком, 2009. — 192 с.
14. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов Текст. / Л.М.Васильев. М.: Высш. шк., 1990. — 176 с.
15. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов / Л.М. Васильев. — М.: Высшая школа, 1990. — 176 с.
16. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. — 1971. — № 5. — С. 105- 113.
17. Васильев, Л.М. Теория семантических полей Текст. / Л.М.Васильев //Вопр. языкознания. 1971. — № 5. — С. 105-113.
18. Васильева, С.Г. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: учеб. пособие для вузов по специальности «Филология» Текст. / С.Г. Васильева. — Казань: РИЦ «Школа», 2005. — 156 с.
19. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 162-189.
20. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. — 4-е изд. — М.: Русский язык, 2001. — 720 с.
21. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. Шк., 1986. — 351 с.
22. Винокур, Г.О. Понятие поэтического языка / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 388-393.
23. Винокур, Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / отв. ред. Г.В.Степанов, В.П. Нерознак, вст. ст. и коммент. М.И.Шапира / Г.О. Винокур. — М.: Наука, 1990. — 450 с.

24. Гаврилова, А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / А.С. Гаврилова. — М.: Аделант, 2013. — 512 с.
25. Гак, В.Г. К диалектике семантических отношений в языке / В.Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. — М.: Наука, 1976. — С. 73 — 92.
26. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1971. — М.: Наука, 1972. С. 367 — 395.
27. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. — М.: Международные отношения, 1977. — 264 с.
28. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.1. Фонетика и морфология. Учебник для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. Изд. 4-е / А.Н. Гвоздев. — М.: «Просвещение», 1973. — 102 с.
29. Евгеньева, А.П. Словарь синонимов русского языка. Т. 1-2 / А.П. Евгеньева. — М., 2001.
30. Исследования по семантике. Общие вопросы семантики: межвузовский научный сборник / Отв. ред. Л. М. Васильев. — Уфа: Башкирский университет, 1983. — 144 с.
31. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. — М.: Высшая школа, 1976. — 278 с.
32. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Канцельсон, — М.: URSS, 2009. — 218 с.
33. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Канцельсон. — Л.: Наука, 1972. — 213 с.
34. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие И.М. Кобзева. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
35. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебник / И.М. Кобозева. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 352 с.
36. Кодухов, В.И. Введение в языкознание: учеб. для студентов пед. ин-тов / В.И. Кодухов. — М.: Просвещение, 1987. — 288 с.

37. Козырев, И.С. Историко-сопоставительное и сравнительно-историческое изучение лексики белорусского и русского языков: автореферат дис... доктора филологических наук / И.С. Козырев. — М., 1971. — С. 3-4.
38. Конецкая, В.П. Смысловые отношения в лексико-семантических группах / В.П. Конецкая // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. докл. науч. конф. (Москва, 16-18 ноября 1971 г.): в 2-х ч. — М.: МГПИИЯ, 1971. Ч. 1. — С. 206-209.
39. Котелова, Н.З. Значение слова и его сочетаемость / Н.З. Котелова. — Л.: Наука, 1977. — 265 с.
40. Кривченко, Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е.Л. Кривченко // Филол. науки. 1973. — № 1. — С. 99-103.
41. Кронгауз, М.А. Семантика: учебник для вузов / М.А. Кронгауз. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. — 399 с.
42. Крушевский, Н.В. Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский // Изв. и учен. зап. Имп. Казан, ун-та. Казань, 1883.— Т. XIX. — Январь - Апрель. — 148 с.
43. Крючков, С.Е. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения / С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов. — М.: Просвещение, 1969. — 189 с.
44. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. — М.: Высшая школа, 1989. — 216 с.
45. Кузнецова, Э.В. Русская лексика как система: учеб. пособие / Э.В. Кузнецова. — Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1980. — 89 с.
46. Кузнецова, Э.В. Части речи и лексико-семантические группы слов / Э.В. Кузнецова // Вопросы языкознания. — 1975. — № 5 — С. 78-86.
47. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1984. — 1168 с.
48. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 682 с.

49. Медникова, Э.М. Значение слова и методы его описания / Э.М. Медникова. — М., 1970. — 85 с.
50. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. — М., 1983. — С. 97-99.
51. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. — М.: Высшая школа, 1982. — 424 с.
52. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1972. — 564 с.
53. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
54. Покровский, М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. — 382 с.
55. Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1998. — 721 с.
56. Слесарева, И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И.П. Слесарева. — М.: Либроком, 2010. — 176 с.
57. Слесарева, И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики: учеб. пособие. — 3-е изд., испр / И.П.Слесарева. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 — 176 с.
58. Словарь русского языка: В 4-х т. (Малый академический словарь) / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999.
59. Современный русский язык. Часть 1. Фонетика. Лексикология. Фразеология / П.П. Шуба, Л.А. Шевченко, И.К. Германович и др.; Под ред. П.П. Шубы. — 2-е изд., испр. и доп. — Мн.: Прогресс, 1998. — 464 с.
60. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учебник для филолог. спец. вузов / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; Под ред. Л.А. Новикова. — 3-е изд. — СПб.: Лань, 2001. — 864 с.

61. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. — М.: Просвещение, 1975. — 271 с.
62. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — М.: Прогресс, 1988. — 656 с.
63. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: Ок. 16500 слов и устойчивых выражений / Гл. ред. А.А. Шушков. — М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008. — 988 с.
64. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения: около 5500 слов и выражений / под ред. Г.Н. Складчиковой; РАН. Ин-т лингвист.исслед. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.
65. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин, — М., 1982. — с. 226.
66. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин. — М.: Наука, 1982. — 336 с.
67. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для филол. спец. вузов. — 3 изд., испр. и доп. / М.И. Фомина. — М.: Высш. шк; 1990. — 415 с.
68. Фомина, М.И. Современный русский язык: Лексикология: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — 2. изд., испр. и доп. / М.И. Фомина. — М.: Высшая школа, 1983. — 335 с.
69. Чернейко, Л.О. Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л.О. Чернейко. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 25 с.
70. Чумак-Жунь, И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав, структура, функционирование: автореферат дис... доктора филологических наук 10.02.02. / И.И. Чумак-Жунь. — Киев, 1996. — 24 с.
71. Шведова, Н.Ю. Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) / Н.Ю. Шведова //

Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. — М.: Наука, 1983. — С. 306-323.

72. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — 2-е изд., стереотипное. — М.: КомКнига, 2006. — 280 с.

73. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев — М., 1973. — С. 73-74.

74. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. — М.: ЛКИ, 2008. — 432 с.